РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Август, 1977 год, № 8

На первой странице обложки: кубинские пионеры. Для этих ребят, родившихся после революции, ходить в школу — самое обычное занятие. Они, может быть, даже не знают, что, когда их родители были детьми, каждый восьмой житель страны не мог написать собственного имени. Их родина — первая в Латинской Америке страна, где все дети не только могут, но и обязаны учиться.

ЧТО НА ВЕСАХ ИСТОРИИ?

— статья о новой Советской Конституции и выводах, к которым приводит сравнительный анализ реальных прав человека двух социальных систем.

ЛИССАБОН. В интервью газете «Уорлд мэгэзин» Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Куньял сказал, что главные задачи португальских трудящихся — защищать завоевания революции 25 апреля 1974 года против попыток контрреволюционного путча фашистов и сил реакции, препятствовать «оздоровлению» капитализма (политика, которую проводит правительство под лозунгом «оздоровления» экономики), укреплять права рабочих и всех трудящихся, отстаивать дальнейшее проведение национализации и аграрной реформы, способствовать преодолению экономической и финансовой неустойчивости. Всего этого можно добиться, подчеркнул А. Куньял, только единством действий рабочего класса, крестьянского движения и всех демократических сил страны, и в первую очередь коммунистов и социалистов.

На снимке: трудящиеся Лиссабона собрались на митинг в поддержку политики коммунистов.

ПРАГА. Журнал Международного союза студентов «Всемирные студенческие новости» публикует документы, свидетельствующие о тяжелом положении детей в капиталистических странах. 300 миллионов детей, по данным ЮНЕСКО, постоянно голодают, около 15 миллионов мальчиков и девочек моложе 5 лет ежегодно погибают от недоедания. Еще хуже обстоит дело в развивающихся странах: в Латинской Америке ежедневно примерно 2 тысячи детей умирают от голода; в Бразилии из 100 родившихся детей 44 умирают в первый же день.

НЬЮ-ЙОРК. Работы недавно созданной здесь Мастерской народного искусства, пишет газета американских коммунистов «Дейли уорлд», привлекают внимание все более широких кругов общественности. Мастерская объединяет прогрессивных художников всех жанров, профессионалов, любителей и только начинающих рисовать. В манифесте Мастерской народного искусства говорится, что содружество художников своим искусством будет служить борьбе народа США против экономического кризиса, за мир и демократию, за равноправие женщин, против расизма и насилия. «Мы обращаемся к людям искусства и тем, кто любит искусство, неграм, белым, пуэрториканцам, индейцам, мужчинам и женщинам, старым и молодым: развивайте свои таланты и присоединяйтесь к нашей борьбе за лучшее будущее» — так заканчивается манифест Мастерской народного искусства.

На снимке: члены Мастерской, молодые художники работают над плакатом, призывающим к борьбе за мир.

СТОКГОЛЬМ. Студенческая корпорация Стокгольмского университета потребовала отмены решения шведского иммиграционного управления, согласно которому запрещается — в отличие от ранее существовавшей практики — предоставлять студентам-иностранцам разрешение на работу в Швеции во время летних каникул. В письме, направленном правительству, это решение характеризуется как идущее вразрез с Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Иммиграционное ведомство объясняет необходимость в такой мере сложным положением на рынке труда Швеции: не хватает рабочих мест и для шведской молодежи.

ХЕЛЬСИНКИ. На усиление активности НАТО в Северной Европе обратила внимание финская молодежная коммунистическая газета «Товери». Определенные круги НАТО, пишет газета, оказывают прямую поддержку тем силам, которые выступают за наращивание вооружений в Северной Норвегии, а это ведет к обострению напряженности на всей территории Северной Европы. Натовские «ястребы» хотели бы, чтобы Финляндия равнодушно взирала на мероприятия НАТО, проводимые вблизи ее границ. Газета призывает общественность активно выступать в поддержку миролюбивой внешней политики Финляндии, в основе которой лежит Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией.

ГАВАНА. На Кубу прибыли 250 молодых американцев — членов бригады «Венсеремос» («Мы победим»). В десятый раз с 1969 года представители прогрессивной американской молодежи приезжают на остров Свободы. В этой бригаде «Венсеремос» немало тех, кто уже помогал кубинцам в уборке урожая сахарного тростника, в строительстве жилых поселков. Несколько недель молодые американцы будут работать на стройках, совершат поездку по стране.

СОЛСБЕРИ. Народы Зимбабве и Намибии возмущены сговором правящих кругов США и Англии, цель которого сорвать урегулирование положения в Зимбабве в интересах африканского большинства, дать возможность родезийским расистам диктовать свои условия в стране. Несмотря на решение ООН бойкотировать расистские режимы Смита и Форстера, США и Англия продолжают субсидировать, снабжать нефтью, поставлять вооружение в ЮАР и Родезию. Президент Замбии Каунда заявил, что независимые африканские государства предполагают обратиться в Международный суд по поводу тесных торговых связей американских монополий «Калтекс» и «Мобил» с расистами Родезии.

На снимке: демонстранты в Солсбери встретили министра иностранных дел Англии Д. Оуэна плакатами, осуждающими расистскую политику бантустанов, куда насильственно сселяют черное население страны.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

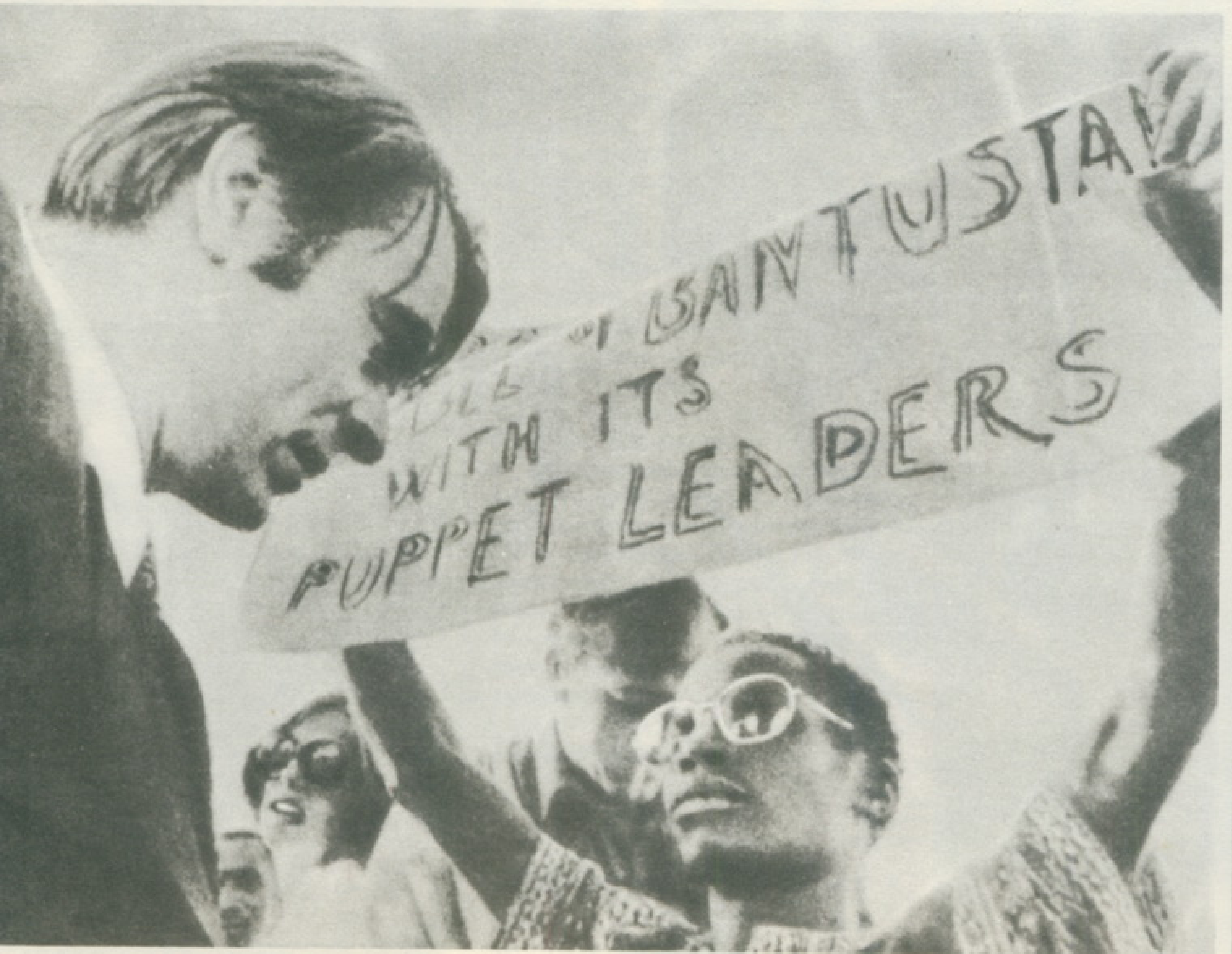
ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ГВАТЕМАЛА. Опубликовано заявление организации Патриотическая молодежь труда (ПМТ) — союза молодежи Гватемалы, работающего в трудных условиях подполья. В документе отмечается усиление милитаризации страны. Империалистические круги США, Израиля, ряда других западных стран поставляют оружие в Гватемалу и тем самым способствуют укреплению диктаторского режима. В документе отмечается, что Израиль превратился в основного подстрекателя гонки вооружений в Центральной Америке и крупнейшего поставщика оружия в страны этого района. В частности, правительство Гватемалы приобретает в Израиле на 18 миллионов долларов вооружений. При финансовой поддержке Управления международного развития и других организаций США сформированы специальные карательные части для борьбы с патриотами Гватемалы.

ЭЛЬ-КУВЕЙТ. Студенты столичного университета выступили против усиливающегося влияния США в системе образования. Как заявил руководитель Национального союза студентов Кувейта Мутлака Мусаид, американцы контролируют деятельность университета, в нем работают американские специалисты, связанные с ЦРУ, что грозит университету перестать быть тем высшим учебным заведением, которое пропагандирует достижения арабской культуры и служит ее интересам.

СЕУЛ. Здесь на одной из улиц есть небольшая мастерская. В ней работает 20 девочек 11—12 лет. Они шьют пляжные костюмы по заказу одной фирмы США. Девочки получают 7 центов в час, за 12-часовой рабочий день они не зарабатывают и доллара. Эта мастерская может быть иллюстрацией, раскрывающей положение молодых рабочих и подростков в этой стране. Южная Корея стала своеобразным рекордсменом «свободного» мира: здесь самая низкая заработная плата и никаких прав для граждан. Полиция хватает людей на улицах, дома, на фабриках не за какую-нибудь провинность, а «просто для устрашения» окружающих. Под изощренными пытками «обвиняемый» часто признается во всем, на что хватило фантазии его палачей. Замученные в полиции до смерти люди не имеют права даже на погребение по обрядам своей религии. Обо всем этом рассказал в комиссии сената США американский миссионер Синнот. Он обратился к президенту Картеру с требованием защитить права человека в Южной Корее, поскольку всю жизнь в этой азиатской стране контролирует ЦРУ.

На снимке: так полиция расправилась с демонстрацией студентов университета в Сеуле.

ДВА МИРА— ДВА ЗАКОНА

Все эти фотографии объединяет одна деталь: у людей, что видны на снимках и что не видны, нет «роллс-ройсов». Нет этих самых дорогих в мире автомашин у двух ивановских ткачих, нет у новосибирских школьниц, нет у москвичей, живущих в новых домах, нет у семьи из Нью-Йорка, только что выселенной из дома, нет у родителей бразильских детей-рабочих, нет, наконец, и у механика-итальянца, позволившего себе облокотиться на хозяйский «роллс-ройс».

«Кто-то лжет. Чепуха, что нам досаждает безработица и что нам надо еще туже затягивать пояса. Кто-то наверняка лжет, — так утверждает журналист Паоло Оджетти, проведший небольшое исследование «Кто же владеет «роллс-ройсами» в Италии». — Люди с биржи говорят: в 76-м «роллс-ройс» заказал 71 итальянец, в этом году — по крайней мере 83. А так как «роллс-ройс» тянет в среднем на 60 миллионов лир за штуку, то это означает, что мы отдаем англичанам, которые, в свою очередь, соревнуются с нами в почетном деле по затягиванию поясов, более 4800 миллионов лир».

Так кто «лжет»? На ком лежит вина за безработицу, искалеченное детство, за то, что кровом над головой — зимнее небо. Не те ли, кто, подчистив в своих конституциях строки о «святой и неприкосновенной» частной собственности, заменили их расплывчатыми формулами об «общественной функции» той же самой частной собственности и лгут потом, будто их конституции — самые справедливые в мире?

Бог с ними, с «роллс-ройсами». Не стремление к роскоши и расшвыриванию денег, не буржуазная спесь и чванство составляют суть жизни рабочего человека. Эта суть в социальной справедливости для всех, суть в неотъемлемости основных прав — на труд, отдых, образование и жилье, записанных в проекте Конституции СССР и незыблемо осуществляемых в СССР.

НАША КОНСТИТУЦИЯ И МИР ВОКРУГ НАС

Л. ЭНТИН,
доктор юридических наук, профессор

Опубликован проект новой Конституции нашего государства. Все крупнейшие информационные агентства зарубежных стран, газеты, радио, телевидение излагают содержание проекта, печатают пространные статьи и комментарии. Как писала австрийская газета «Фольксштимме» через несколько дней после опубликования проекта Основного Закона Советского государства, весь мир приступил к обсуждению новой Советской Конституции. Мировая прогрессивная печать единодушно считает, что проект новой Конституции СССР имеет не только национальное, но и международное значение.

Исторический опыт свидетельствует, что, начиная с Декрета о мире и Декрета о земле, принятых Вторым Всероссийским съездом Советов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 года, все основные законоположения нашей страны всегда вызывали острый интерес и наших друзей и недругов, и даже людей, считающих себя далекими от политики. Такое внимание и такой интерес к делам и свершениям нашей страны понятны и объяснимы. Вспомним первую Советскую Конституцию — Конституцию РСФСР, принятую в 1918 году. Она законодательно закрепила победу Великого Октября, переход власти в руки трудящихся, установление диктатуры пролетариата. Тогда капиталистический мир военной силой, экономической блокадой, «духовным кордоном» ополчился на молодое государство трудящихся. Буржуазия попыталась замолчать Конституцию, но уже тогда ей это не удалось. Многие положения первой Советской Конституции стали компасом борьбы для трудящихся на всех континентах.

Первая Конституция СССР 1924 года законодательно оформила образование Союза Советских Социалистических Республик. Ее уже пытались не замолчать, а оклеветать. Но и ее положениям суждено было сыграть немалую роль в конституционной практике мира.

Ныне действующая Конституция 1936 года закрепила такую выдающуюся победу советского народа, как построение основ социализма в нашей стране. Она свидетельствовала о значительном нашем продвижении на пути к великой цели — построению бесклассового коммунистического общества.

Если попытаться сформулировать в одном предложении основное и главное, что сделано на протяжении прошедших с тех пор сорока лет, то можно сказать так: в СССР построен зрелый, развитой социализм. Перемены в общественной и государственной жизни потребовали законодательного оформления и закрепления. Именно этим объективно обусловлена необходимость в новом Основном Законе.

В главном политико-правовом документе зрелого социализма законодательно закрепляются успехи и достижения народа — хозяина своей страны. И то, что сегодня для нас уже завоевано и записано в проекте новой Конституции, для трудящихся капиталистических стран — вехи пути, который им предстоит еще пройти в небыстрой и трудной борьбе. Иначе говоря, новая Конституция дает целостную картину того, что ни одна конституция мира пока дать не в состоянии, — картину зрелого социализма.

Отклики, поступающие из стран социалистического содружества, подтверждают глубокий интерес трудящихся братских государств к проекту Советской Конституции как выдающемуся политическому документу, имеющему жизненно важное значение не только для СССР, но и для судеб всего мирового социализма, мирового революционного движения. «Проект новой Конституции СССР является выражением многолетнего и разностороннего опыта первого в мире социалистического государства», — пишет орган ЦК Коммунистической партии Чехословакии газета «Руде право». «Принятие новой Конституции, — пишет польская «Жиче Варшавы», — будет иметь огромное значение как для внутренней жизни страны, так и для упрочения сил социализма, мира и прогресса на международной арене».

Законодательное закрепление достижений и побед развитого социализма имеет исключительно важное значение и для молодых развивающихся государств, добивающихся национальной независимости и ориентирующихся в своем развитии на социализм. Наша Конституция наглядно демонстрирует достоинства и перспективы избранного ими пути.

Мир, обсуждая проект нашей новой Конституции, как бы заглядывает в свой завтрашний день.

Проект Конституции позволяет заглянуть в завтра и нам. Потому что в нем закреплено не только уже достигнутое, проект служит политико-правовой основой дальнейшего движения вперед, определяя главные цели и задачи Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества.

Обсуждая проект новой Конституции СССР, все прогрессивно мыслящие, непредвзято настроенные люди сразу же отмечают, что это подлинно народная Конституция, которая законодательно устанавливает: вся власть в СССР принадлежит народу, социалистическое общенародное государство выражает волю и интересы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех наций и народностей страны. В то время как в капиталистическом обществе из года в год растут между людьми барьеры экономические, социальные, национальные, культурные, наша Конституция закрепляет постоянно возрастающую социальную однородность советского общества, стирание различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Конституция законодательно закрепляет и гарантирует право каждого советского человека на участие в управлении делами общества и государства.

В современных буржуазных конституциях тоже нередко можно встретить утверждение о принадлежности власти народу, о том, что правление осуществляется по воле народа, через народ и для народа. Однако в условиях капиталистического строя все эти положения остаются не более чем красивой фразой и призваны скрыть и замаскировать истинную картину, когда власть, буржуазная государственная машина, выступает на практике как комитет, заведующий делами монополистической буржуазии.

По этому поводу профессор Калифорнийского университета Уильям Домхоф пишет следующее: «Мысль о том, что на политику правительства (США. — *Прим. авт.*) серьезное влияние оказывает воля народа, поскольку существует конкуренция между двумя политическими партиями, — совершенно беспочвенна. «Политика» служит для отбора честолюбивых адвокатов, выходцев из средней или крупной буржуазии, которые в достаточной степени лишены устоявшихся политических взглядов и знают, как протискиваться вперед, придумывая риторику и оправдания, необходимые для проведения политики, служащей как частным, так и общим интересам двухпартийной «правящей элиты».

Возьмем такой вопрос, как собственность на орудия и средства производства. Кто владеет ими в нашей стране? Говоря юридическим языком, социалистическая собственность на орудия и средства производства существует у нас в трех формах: государственной (всенародной), колхозно-кооперативной (то, что принадлежит колхозам и другим кооперативным организациям) и собственности профсоюзных и других общественных организаций. (Третья форма собственности закреплена в проекте новой Конституции, в ныне действующей говорилось лишь о двух формах. И это отражает повышение роли общественных организаций во всех областях жизни страны.) Конституционное закрепление социалистической собственности служит гарантией того, что народ является хозяином всех национальных богатств и что ему принадлежит вся полнота государственной власти.

Все без исключения буржуазные конституции в открытой или замаскированной форме закрепляют господство капиталистической системы хозяйства, и прежде всего частной собственности на орудия и средства производства. Тем самым они, попирая ими же провозглашаемое равенство всех граждан, закрепляют эксплуатацию человека человеком, деление общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, привилегированное положение одних и бесправие других. Вот почему современное империалистическое государство есть не что иное, как государство диктатуры монополистической буржуазии.

Старые буржуазные конституции фиксировали это достаточно откровенно, провозглашая частную собственность «священной и неприкосновенной». В новейших буржуазных конституциях об этом говорится более завуалированно. Например, сравнительно недавно появились такие формулы, как «общественная функция» частной собственности, «служение частной собственности общему благу», необходимость «экономической и социальной солидарности» и т. п., которые можно встретить в ныне действующих конституциях ФРГ, Японии, Италии. Но если в отдельных буржуазных конституциях сегодня и встречаются положения о возможности национализации частной собственности, например в итальянской, то это результат упорной и настойчивой борьбы рабочего класса и всех прогрессивных сил этих стран.

Коренное отличие нашей Конституции от любой даже самой демократической буржуазной конституции состоит в том, что она не только прокламирует общенародный характер нашего государства, но и всем своим содержанием обеспечивает и гарантирует принадлежность власти и ее реальное осуществление народом. И именно это отличие подчеркивают те, кто честно и объективно смотрит на вещи. И именно это пытаются оспорить наши недруги на страницах буржуазной печати.

Профессор права Колумбийского университета Джон Хазард, ведущий американский специалист в области советского законодательства, не раз в силу своей профессии встречался с различными «советологами» и «кремленологами». Не без сарказма вспоминает он об этих встречах сегодня после опубликования проекта Конституции СССР: «Всю свою жизнь я встречаю американцев, которые спрашивают, чем я занимаюсь. Я им отвечаю, что изучаю советские законы. И очень часто они задавали недоуменный вопрос: а разве у них есть законы? А теперь эти же люди публикуют статьи о проекте Конституции, но уже руководствуясь корыстными политическими соображениями...»

«...Главное направление того нового, что содержит проект, — подчеркивал Л. И. Брежнев в докладе на Пленуме ЦК КПСС (май 1977 года), — *это расширение и углубление социалистической демократии».* Подтверждение этому можно найти в каждой главе, в каждом разделе новой Конституции. Однако наиболее рельефно и наглядно это выступает в той части проекта, который посвящен положению личности в обществе и государстве, где закреплены основные права, свободы и обязанности граждан. О том новом, что содержит этот раздел, можно судить даже по чисто количественным данным. Если в Конституции 1936 года правам и свободам посвящено только девять статей, то теперь их двадцать. В их числе, например, такие новые положения, как статья 34 о равенстве граждан перед законом, статья 42 о праве граждан на охрану здоровья, статья 44 о праве на жилище, статья 46 о праве пользования достижениями культуры, статья 47 о свободе научного, технического и художественного творчества. Исключительно важное значение имеет статья 48 о праве на участие в управлении общественными и государственными делами.

Рассмотрение статей о правах и свободах граждан особенно наглядно подтверждает принципиальное отличие социалистической демократии от буржуазной. Возьмем, например, такую статью, как равенство граждан перед законом. В той или иной формулировке эту статью можно найти в конституции почти каждого буржуазного государства. Но что она там означает на практике? «Принцип «равенства перед законом», которым предлагают восхищаться американской публике и мировой общественности, реально почти не существует», — утверждает профессор политических наук Бостонского университета Говард Зин. И далее он приводит пример, что Джордж Джексон, черный революционер, убитый в тюрьме Аттика охранниками, просидел десять лет по обвинению в похищении семидесяти долларов. А бывший вице-президент Спиро Агню, уличенный в незаконном присвоении сотен тысяч долларов, вообще не был заключен в тюрьму.

Так же критически американский специалист в политических науках относится к провозглашенной в конституции США свободе слова. Г. Зин пишет: «Не существует никаких конституционных средств исправления неравенства де-факто между нефтяной компанией «Экссон», которая может расходовать миллионы долларов на распространение по телевидению своих рекламных объявлений по всей территории страны в часы, когда программы смотрит наибольшее число телезрителей, и средним гражданином, который хотел бы информировать общественность о непомерных прибылях компании «Экссон». Это объясняется тем, что средства массовой информации монополизированы небольшим числом неимоверно богатых компаний».

Бывший министр финансов США Джон Коннэлли говорит еще более откровенно: «Говорят, что печать — четвертая отрасль власти. Точнее было бы сказать, что средства массовой информации — это четвертый из наших гигантских институтов наряду с большим правительством, большим бизнесом и большими профсоюзами». Естественно, что «индустрия новостей» (одна из самых прибыльных, по оценкам американских экономистов) вряд ли ставит своей задачей обеспечивать свободу слова «молчаливому большинству» американского общества.

Проект Конституции СССР подтверждает, что осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданских обязанностей и не должно наносить ущерб интересам общества, государства и правам других граждан. Это положение пытаются использовать для клеветы на нашу страну все враги социализма от профессиональных антисоветчиков до их пекинских союзников. Остановимся на этом положении несколько подробнее. Содержание статей 39, 59 и 65 проекта Конституции выражает общепринятые в нашем обществе представления о достойном и правомерном поведении граждан. Каждое общество ограждает себя и своих членов от тех, кто посягает на самые основные его устои. Но наша Конституция защищает интересы всего народа от посягательств лиц, враждебных ему, тогда как конституции буржуазных стран защищают интересы крупного капитала от трудового большинства народа. Для примера сошлемся на статью 18 Основного закона ФРГ, согласно которому каждый, кто использует перечисленные в этой статье свободы «для борьбы против основ свободного демократического порядка, лишается этих основных прав». Стоит ли говорить, что так называемый «свободный демократический порядок» является в ФРГ антидемократическим по самому своему существу, защищает капиталистические устои и носит откровенно репрессивный характер по отношению к прогрессивным силам страны.

Но суть дела заключается, конечно, не в прокламации того или иного права, той или иной свободы, сколько бы это ни было важно само по себе. Борьба рабочего класса и всех прогрессивных сил капиталистических стран заставила правящий класс пойти на определенные уступки трудящимся. В новейших буржуазных конституциях были записаны некоторые основные права, в том числе не только личные, но и политические и даже, в тех странах, где успехи рабочего движения особенно велики, социально-экономические. Но там эти статьи основных законов не имеют ни реальных политических, ни, что особенно важно, материальных гарантий осуществления записанных прав. Социализм же не только провозглашает, но и реально обеспечивает подлинную свободу, свободу от эксплуатации, в то время как буржуазные конституции закрепляют свободу эксплуатации трудящихся классом капиталистических собственников. Вот почему подлинная свобода и гармоничное сочетание интересов личности, общества и государства могут быть обеспечены лишь при социализме.

Пристальное внимание широких кругов мировой общественности привлекли и те новые положения проекта, в которых закрепляются конституционные основы внешней политики Советского государства. Их значение тем более возрастает, что в предыдущей Конституции специальной главы, посвященной внешней политике, не содержалось. Три круга вопросов решает в этом плане новая Конституция. Она определяет направленность внешней политики СССР, которая призвана обеспечить благоприятные внешние условия строительства коммунизма в нашей стране. Она определяет положение СССР как члена мирового содружества социалистических государств и связанные с этим обязательства. Наконец, она устанавливает и фиксирует принципы, на которых СССР основывает свои отношения с другими государствами. В этой главе конституционно закреплено запрещение в СССР пропаганды войны. Безусловно, что все миролюбивые силы планеты особенно одобряют этот пункт нашей Конституции. Ни для кого не секрет, что в странах Запада еще до сих пор весьма влиятельны «ястребы» — милитаристы, которые силятся раздуть военную истерию, добиться новых рекордных военных бюджетов, что в конечном итоге служит интересам военно-промышленных комплексов.

Проект Конституции СССР, в котором законодательно закреплены ленинские принципы внешней политики СССР, встретил горячее одобрение и поддержку всех, кому дороги интересы дела мира и безопасности народов. И это вполне понятно. Ведь каждый непредубежденный читатель, ознакомившись с проектом, не может не отметить, что Конституция направлена на последовательное обеспечение разрядки в международных отношениях, на строгое соблюдение тех важнейших международно-правовых принципов, которые были сформулированы, в частности, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, созванного в значительной мере по инициативе СССР.

Политика мира и сотрудничества, возведенная в ранг Основного Закона, стала убедительным подтверждением последовательного претворения в жизнь великих идей, начертанных еще в первом программном документе советской внешней политики — ленинском Декрете о мире.

Подлинный выразитель чаяний, дум и устремлений нашего народа, наш боевой авангард — Коммунистическая партия Советского Союза. Вполне естественно и понятно, что новая Конституция определяет место и роль КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы. «Вооруженная марксистско-ленинским учением, — говорится, в частности, в статье 6, — Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

Лондонская газета «Таймс» назвала советские конституции «фотографическими системами», периодически обновляемыми по ходу времени. «Таймс», понятное дело, стремилась дискредитировать новую Конституцию СССР, отрицая ее программный характер. И все же с газетой английских консерваторов в определенной степени можно согласиться: проект Конституции СССР — это своего рода портрет Советского Союза 1977 года, страны зрелого, развитого социализма. В этом проекте наши достижения за 60 лет Советской власти, и в нем одновременно программа нашего дальнейшего развития.

КУЛЬТУРА И КЛИМАТ МИРА

Наш корреспондент беседует с заместителем министра культуры СССР Владимиром Ивановичем Поповым.

— Владимир Иванович, мы хотели бы просить вас рассказать читателям «Ровесника» о том значении, какое имеет для духовной жизни XX столетия культура первой страны победившего социализма.

— В начале 20-х годов, когда все попытки задушить молодое Советское государство военной силой провалились, наши противники в странах капитала сделали ставку на экономическую блокаду и так называемый «духовный кордон». В борьбе против этой кампании врагов социализма нашими союзниками стали представители передовой культуры Запада. Не случайно с марта 1918 года по декабрь 1922 года В. И. Ленин более 30 раз встречался с крупными писателями, художниками, музыкантами, приезжавшими в молодую республику (я уже не говорю о многочисленных интервью иностранным журналистам).

Передовые деятели культуры — достаточно вспомнить Бернарда Шоу, Рабиндраната Тагора, Анри Барбюса, Ромена Роллана — очень многое сделали, чтобы рассказать миру правду о нашей стране. И «духовный кордон», о котором, кстати сказать, сегодня на Западе стыдливо умалчивают, был очень скоро сметен. Фильмы Эйзенштейна «Октябрь» и «Броненосец «Потемкин», гастроли МХАТа в Западной Европе и США были настоящими потрясениями для зрителей. Не секрет, что сегодня многие выдающиеся режиссеры мира считают своими духовными учителями Станиславского, Эйзенштейна, Мейерхольда.

В годы Великой Отечественной войны сердца миллионов людей на Западе завоевала советская музыка. Крупнейшие западные оркестры и дирижеры, такие, как Артуро Тосканини, Леопольд Стоковский, Сергей Кусевицкий, соревновались за право первого исполнения произведений советских композиторов. Седьмая Ленинградская симфония Шостаковича для всего мира стала символом непобедимости советского народа. И в наши дни «самые исполняемые» современные композиторы в мире — Шостакович, Прокофьев, Хачатурян.

— Каким образом распространение культурных ценностей благоприятствует созданию климата мира и, с другой стороны, какие новые возможности открываются в условиях разрядки для расширения культурных связей?

— Прежде всего надо отметить, что мы исходим из принципиального ленинского положения о том, что ни национальная культура, ни мировая культура в целом не могут развиваться без общения, обмена подлинными культурными ценностями. Заметьте — подлинными. Мы не сторонники обмена вообще, чем попало. Наша страна поддерживает культурные связи со 120 странами. Но важен не только объем, но и качество, и разнообразие форм культурного обмена. Пожалуй, самой широко доступной формой стало телевидение. Возьмите последний пример: балет Большого театра недавно с огромным успехом гастролировал во Франции, но важнее отметить, что несколько раз по трем каналам французского телевидения были показаны наши спектакли. Или другой пример. В прошлом году в США гастролировал сборный коллектив, который

мы назвали «Фестиваль искусства народов СССР», в нем были представлены творческие силы наших республик. На основе этих гастролей американцы сделали полуторачасовой фильм, который сейчас широко демонстрируется на экранах США и, возможно, будет показан во многих других странах. Таким образом будет охвачена аудитория в десятки миллионов человек. Любопытная деталь: буквально все артисты этого коллектива имели большой успех, но особенный восторг вызывал корякский ансамбль «Мэнко». Коряки, как известно, живут в нескольких сотнях километров от Аляски. В США и Канаде трудно себе даже представить, что у эскимосов и других родственных им народов могут быть свои высокопрофессиональные ансамбли, сохраняющие национальные традиции, своя многообразная культура! Как видите, творческий успех этого коллектива был одновременно и успехом нашей национальной политики.

Если говорить о сравнительно новых формах обмена, то можно отметить так называемый «выставочный взрыв». Достаточно вспомнить о том большом пути, который проделали наши «скифы»: Париж, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Прага, Белград, София, Варшава... И вот что интересно, «скифы» многое рассказали Западу и о нашей сегодняшней жизни: о бережном сохранении культурного наследия.

— Почему мы выступаем против принципа так называемых безбрежных контактов?

— Это противоречит международной практике и соглашениям хельсинкского совещания. Это совещание одобрило рекомендации министров культуры стран-участниц, встреча которых состоялась в Хельсинки же в 1972 году. А в этих рекомендациях прямо сказано, что культурные обмены должны осуществляться на основе взаимной договоренности, соблюдения суверенитета и взаимных интересов.

Мы вовсе не старомодные пуристы, которые, скажем, стоят за то, чтобы исполняли музыку только Бетховена и Моцарта и показывали только классический балет. Мы приглашаем и лучшие эстрадные коллективы. Вот из США у нас было несколько отличных групп, исполнявших «кантри мьюзик». У нас были такие звезды мировой эстрады, как Клифф Ричард, Роберт Янг, Мирей Матье и многие другие.

— В мировой искусствоведческой литературе часто можно встретить термин «советская школа»: этот артист принадлежит к советской школе, тот находится под ее влиянием.

— Да, благодаря самой специфике нашего общества в искусстве появились новые жанры. Возьмите такое явление, как ансамбли народного танца. Они получили у нас массовое распространение потому, что для нашей культуры характерно бережное сохранение фольклора и традиций, потому что государство тратит огромные средства на развитие самодеятельного творчества. Ныне во всех социалистических странах существуют такие ансамбли, они появляются и в развивающихся странах. А ввела в мировую культуру этот жанр наша страна.

Но есть и прямое влияние, прямая помощь. Наши мастера культуры преподают в десятках стран; почти в 60 консерваториях, хореографических, театральных училищах и специальных учебных заведениях учатся у нас молодые люди со всего мира.

— Каковы перспективы культурного обмена и какие трудности встречаются на этом пути?

— Мы настроены оптимистично. Для развития обмена есть главное — богатство духовной культуры советского народа, рост авторитета нашей страны, ее внешней политики. Резервы для расширения культурного обмена у нас отличные. Иностранцев поражает число все новых блистательных талантов, появляющихся у нас ежегодно.

Есть ли какие-нибудь моменты, препятствующие обмену? Да, есть. Сейчас на Западе появилось много ходатаев за так называемый широкий культурный обмен. Но ведь для этого нужны государственные субсидии, организационная помощь. Между тем в ряде стран, например в США, субсидии на культурный обмен были в последнее время сокращены. Есть и еще одна важная сторона — идеологическая: определенные круги на Западе испытывают страх перед растущим интересом своей публики к достижениям советской культуры и пытаются ставить преграды к ее широкому знакомству с нашим искусством. Несмотря на эти досадные моменты, мы можем с уверенностью сказать, что идет дальнейшее последовательное расширение и углубление международного сотрудничества, в том числе и обмена подлинными духовными ценностями.

ГОСУДАРСТВО ЗАБОТИТСЯ ОБ ОХРАНЕ И ПРИУМНОЖЕНИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА, ШИРОКОМ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ.

Из проекта Конституции СССР

„АРБУЗОВСКИЙ СЕЗОН" В АНГЛИИ

Пьесы А. Н. Арбузова были поставлены на всех континентах, исключая, возможно, Антарктиду. В Англии, как отметил один видный критик, их стали считать «своими». А сезон 1976 года даже был назван «арбузовским». В самом деле уже около тридцати английских театров или трупп играли «Моего бедного Марата», эта пьеса была экранизирована английскими кинематографистами. В бристольском театре «Олд вик» одновременно были показаны премьеры трех пьес: «Сказки старого Арбата», «Вечерний свет» и «Мой бедный Марат», а Королевский Шекспировский театр впервые в своей истории включил в репертуар пьесу советского драматурга: это была «Старомодная комедия». О том, как и почему эти произведения нашли дорогу к сердцам английских зрителей, рассказывает нашему корреспонденту Алексей Николаевич Арбузов.

„**В**се эти молодые люди настолько молоды и полны жизни, что вера в будущее и в прогресс возникает перед ними как феникс из пепла, как чудо их собственного выживания в страшных условиях блокады Ленинграда. Возможны ли подобные чувства и поступки для трех молодых американцев, англичан или французов? Тема любовного треугольника и в самом деле может быть общечеловеческой. Но ее разрешение донесло до нас ощущение совсем несхожей системы ценностей и представлений по сравнению с теми, с которыми мы живем повседневно».

(Из рецензии в газете «Уэстерн мэйл»)

Арбузов. Эта рецензия (одна из 50 английских рецензий о «Марате». — Ред.). в самом деле примечательна, ибо она в какой-то степени отражает отношение англичан, особенно молодежи, к героям моих пьес. Во-первых, они удивляются: многие из них, одураченные пропагандой, представляют наших людей унылыми, железобетонными, не знающими юмора. А тут перед ними возникают образы совсем иные. Потом они начинают сравнивать взаимоотношения между советскими людьми, как я пытался их реалистически отобразить, с тем, что они видят повседневно у себя; их поражает человечность, высокие нравственные идеалы моих героев и то, что называется социальным оптимизмом.

«Ровесник». Какие условия, на ваш взгляд, необходимы для успеха пьесы в другой стране и на другом языке?

Арбузов. Прежде всего перевод должен максимально приближаться к оригиналу. Хорошо, когда у драматурга есть один переводчик, глубоко проникший в его стиль. Девять моих пьес перевела на английский Ариадна Николаефф. И пожалуй, наиболее удался ей перевод «Моего бедного Марата». Я не знаю английского, но хороший перевод безошибочно чувствую — по идентичной реакции зала на самые тонкие нюансы пьесы. Меня связывает многолетняя дружба и с двумя английскими режиссерами — Фрэнком Хаузером и Ричардом Коттрелом, хотя у них разные творческие почерки. Коттрела привлекает яркая театральность, Хаузер скромен в форме, она у него как бы убрана внутрь; ничего показного, в каждой сцене он стремится к максимальной простоте и естественности. Но оба прекрасно знают русскую драматургию, обоих отличает поразительная добросовестность, я бы сказал, лояльность к автору. Они бережно относятся к любой авторской ремарке, вникают в мельчайшие детали жизни, быта моих героев, стремятся уловить саму атмосферу, в которой разворачивается действие. При всей моей нелюбви к переписке Хаузер буквально заставил меня на двенадцати страницах подробнейшим образом описать мою точку зрения на то, как должна быть поставлена пьеса «Двенадцатый час», которую он тогда ставил.

Наконец, третье важнейшее слагаемое успеха — точный подбор актеров. В моей долгой жизни на театре было несколько событий, которые я называю «актерским пиром». В Англии это случилось с моими пьесами, по крайней мере, дважды.

«Фрэнку Хаузеру повезло. Пьесу («Мой бедный Марат») играют три лучших молодых актера нашего времени — Джуди Денч, Джон Макшейн и Иэн Маккеллен. Все трое крепко держат свои роли и наполняют их жизнью и чувствами, которые, быть может, удивили самого г-на Арбузова, сидевшего в зале на премьере».

(Из рецензии в газете «Сан»)

Арбузов. Да, да, я был потрясен уже на репетициях. Я даже не пытался вмешиваться, боясь их сбить с того, что они уже нашли, чем уже владели. Они действительно открыли для меня совершенно новые краски, особенно Джуди Денч. Смотря на ее игру, я не переставал поражаться новому, что, может, не было мной написано, но было заключено где-то глубоко, подспудно в образе Лики и даже мной несознаваемо. Похожа ли она на русскую? Нет, внешне непохожа, типичная англичанка, но она поразительно почувствовала национальный русский колорит. У актеров встречается такой редкий дар. Я помню, как Эдуардо де Филиппо, выдающийся итальянский драматург и великолепный актер, побывав в Театре Вахтангова на своей пьесе «Филумена Мартурано», сказал: «Симонов играет гениально, как истинный итальянец, я бы никогда не смог так сыграть». Джуди Денч тоже играла Лику в «Марате» так, как никто не смог сыграть ее ни у нас, ни за рубежом.

«Ровесник». Как будто вы для нее создали эту роль?

Арбузов. Это недалеко от истины. Да, да, не удивляйтесь, ведь впервые я увидел эту прекрасную актрису в роли Анны в «Двенадцатом часе», с которого началась моя дружба с английским театром. Это было в 1965 году, как раз в то время я начинал обдумывать «Марата». Когда я писал пьесу, мне представлялась в воображении Лика с чертами Джуди Денч, может быть, не внешними, а с ее внутренним содержанием как актрисы.

«Ровесник». Один английский рецензент писал, что герои, населяющие ваши последние пьесы, в частности «Сказки старого Арбата», могут встретиться повсюду, и то, что с ними происходит, могло произойти везде: как в социалистической, так и в капиталистической стране.

Арбузов. Что ж, фабула пьесы может оказаться схожей. Ситуация бывает похожей, но та манера, с которой герои ее проживают, те выводы, которые они из нее делают, конечно, отличаются. Сам воздух, окружающий их, — другой. Когда я пишу пьесу, думаю только о том, что меня волнует до глубины души: стать полезным людям, в судьбе которых я хотел бы принять участие. Помочь им сказать вовремя: стоп, не ходите туда, там смертельно, там опасно. Вот в чем я вижу свою задачу. Но убежден, что, когда писатель действительно говорит вещи, полезные двум, трем людям, тогда он оказывается полезным и очень многим.

Я хотел бы подчеркнуть то, что меня уже давно поражает, — острый интерес английских актеров к социальным и политическим проблемам в моих пьесах. Уже в «Двенадцатом часе», поставленном в Оксфорде, я выделил актера Лауренсона, игравшего комсомольца Безенчука. В Театре Вахтангова эту роль играл Абрикосов. Ему нравилась, видимо, последняя сцена объяснения в любви Безенчука к Кате, которую он проводил с большим подъемом, а вот политические речи он как-то торопил, сглаживал, что ли. В исполнении английского актера именно эти речи были главными, а любовные сцены он играл между прочим. Я сам удивился, какой заряд политической силы заложен в характере Безенчука! В постановке англичан не было игры в поддавки, вопрос «кто не с нами, тот против нас» ставился со всей прямотой. Между прочим, после спектакля ко мне подошел один пожилой джентльмен и представился: «Я ваш отрицательный герой. У меня тоже кондитерская фабрика. Спасибо, что показали, к чему мне готовиться!» По крайней мере, этому зрителю моя пьеса пошла на пользу.

«Ровесник». Отличается ли реакция театральной публики, скажем, в Англии от реакции советской публики?

Арбузов. Если режиссер и актеры — это соавторы драматурга, то зритель фактически становится соавтором режиссера. Только зрители могут довести работу режиссера до благополучного конца. Что касается восприятия одной и той же пьесы в разных странах, то здесь большое значение, на мой взгляд, имеет коллективный жизненный опыт людей. Об этом очень хорошо пишет выдающийся английский режиссер Питер Брук в книге «Пустое пространство», изданной недавно у нас. Он приводит любопытный пример: «Король Лир» в блестящей, можно сказать, революционной постановке Королевского Шекспировского театра имел огромный успех во время гастролей в Европе, и вершина, по словам Брука, была достигнута где-то между Будапештом и Москвой. По мнению режиссера, опыт второй мировой войны и жизни

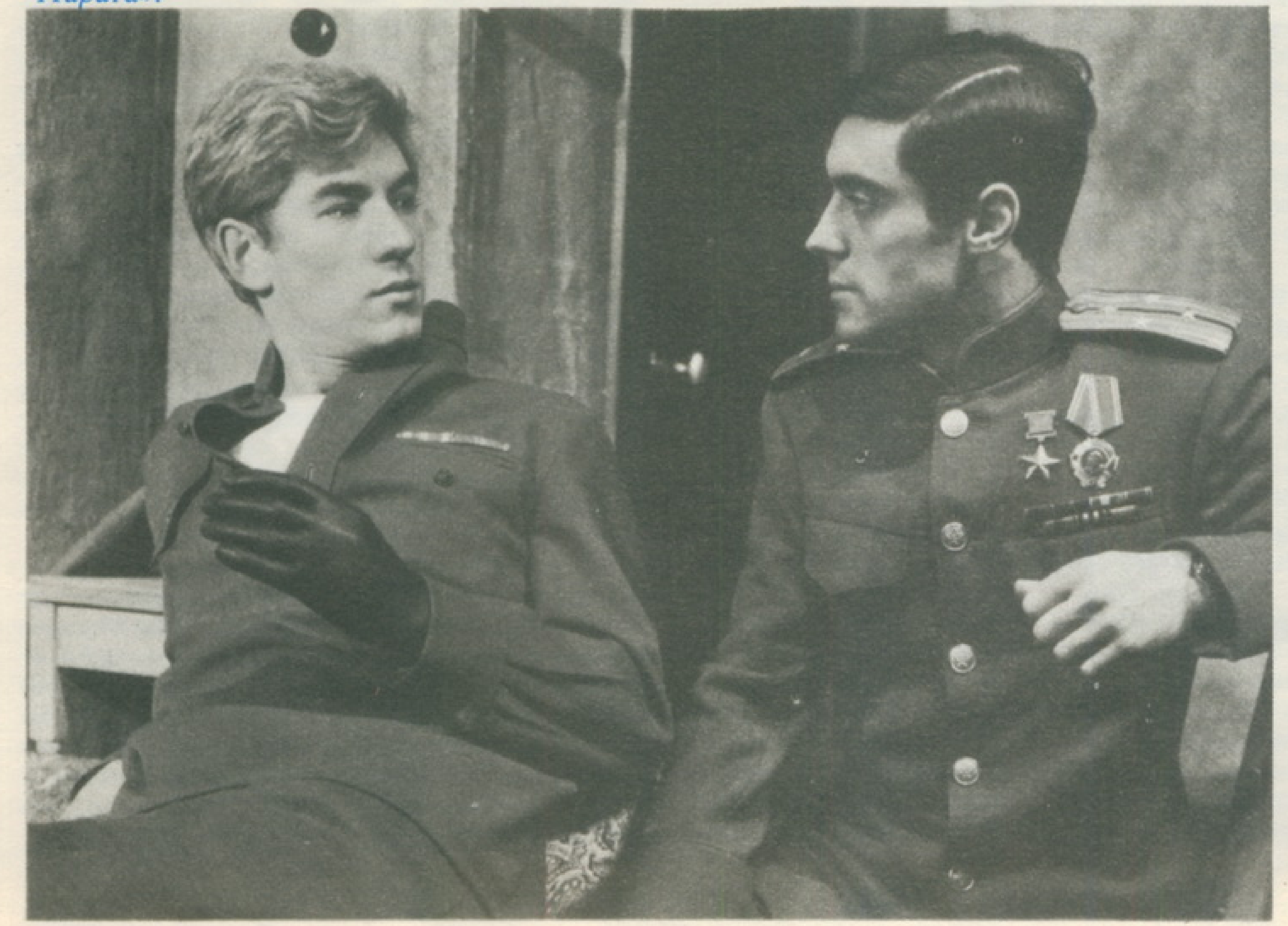
Aleksei Arbuzov

'Why do these people intrigue me? What are they talking about? What is the link between them? My profession has developed in me a foolish passion for watching and listening. And I continue to stand and stare, hoping that something will happen which will reveal the meaning of what is going on.' *Aleksei Arbuzov*

На снимках: вверху — сцена из шведского телевизионного фильма по пьесе «Мой бедный Марат»; в центре — портрет А. Н. Арбузова на обложке программы, выпущенной к фестивалю его пьес в Бристоле; слева — Иэн Маккелен и Иэн Макшейн; справа — Джуди Денч в первой английской постановке «Моего бедного Марата».

в послевоенной Европе приближал людей к трагической тематике пьесы. Но вот актеры приезжают в США, где, казалось бы, зрители, знающие язык, могут по достоинству оценить блестящую игру, и... провал. Большинству американских зрителей был неинтересен «Король Лир» в его современной трактовке. И актеры, стараясь как-то привлечь внимание равнодушной публики, стали играть примитивнее, грубее, торопливо проговаривали сложные сцены, которыми так наслаждались мы в Москве.

По своему опыту я знаю, что от зрителей в других странах всегда можно ждать сюрпризов. И эти сюрпризы для драматурга очень поучительны. «Иркутская история», например, была весьма хладнокровно встречена в Англии, а вот во Франции

имела большой успех. Признаться, мне самому постановка «Иркутской истории» в Страсбургском театре сначала не понравилась. Несколько раздражала игра актеров, аффектированная, как говорится, на котурнах. Но французские зрители реагировали восторженно. Видимо, режиссеру удалось транспонировать пьесу на жизненный манер своей страны и акцентировать те мысли и проблемы, которые наиболее близки в данный момент его соотечественникам. Наоборот, «Мой бедный Марат» не произвел сильного впечатления на французов, а в Англии он был признан лучшей пьесой года.

Молодежь воспринимала героев «Марата» тепло, как своих однокашников. А зрители старшего поколения узнавали в пьесе свои собственные мысли и чаяния, связанные с окончанием войны, мечты о том, что будет после войны, и то, как каждый из них искал свою дорогу. И реакция взрослой части зала была, быть может, даже более сильной. Не в смысле смеха или какого-то движения, а той сосредоточенной тишины, которая всегда бывает лучшей реакцией театральной публики. Так было в оксфордском «Плейхаузе», так же реагировала весьма придирчивая публика лондонского театра «Форчун» в Уэст-Энде.

«Пьеса эта («Мой бедный Марат») о чести, верности, нежности и надежде. Уэст-Энд (район Лондона. — Ред.) сегодня не привык, чтобы обо всем этом говорилось искренне и правдиво. Было время, когда об этом писали люди талантливые, тонко чувствующие и умные — Голсуорси, Рэттиган, Экланд. Сегодня эти темы предоставлены второсортным писакам, в то время как настоящие драматурги заняты всецело извращениями, жестокостью. Публика Уэст-Энда — неглупая публика. Но, по правде сказать, у нее слишком мало практики в распознании чего-то настоящего. А вот пьеса Арбузова и есть нечто настоящее».

(Из рецензии известного лондонского критика У. Гобсона в газете «Санди таймс»)

Арбузов. Театральные критики на Западе зачастую обладают огромной властью, оказывая решающее влияние на публику. Особенно во Франции. Там критик Готье стал просто законодателем: он говорит, стоит идти — и полные сборы обеспечены, говорит нет — и пьеса скоро снимается. Его все боятся — режиссеры, драматурги, актеры. Какая-то буржуазная ограниченность публики, что ли, особенно людей полусвета. В Англии публика менее зависима от критиков, но, конечно, слово Гобсона, его мнение очень весомо, и статья, которую вы процитировали, имела большой резонанс. Неприятно другое, в последнее время в западной критике, в том числе английской, все более ощущается антисоветская направленность. Раньше критики больше были заняты обсуждением достоинств постановки, игры актеров, теперь антисоветизм стал чуть ли не главенствующей темой многих статей о советской литературе. И вот в этой атмосфере антисоветской истерии как можно расценить решение Пегги Эшкрофт, первой актрисы Англии, взять для своего 50-летнего юбилея, то есть основополагающего события всей ее актерской жизни, пьесу советского драматурга?! Пример подобного актерского мужества, а также неистребимый интерес думающих людей на Западе к нашей стране и нашей культуре вселяют надежду на то, что очередная антисоветская кампания — дело наносное и что расширение творческих связей между людьми наших стран приведет наконец к подлинному взаимопониманию.

«Ровесник». Какое самое сильное впечатление Арбузова от «арбузовского сезона» в Англии?

Арбузов. Не могу не упомянуть удивительно тонкую игру Даниэла Масси в роли Пальчикова («Вечерний свет») и блестящее, искрометное исполнение роли Балясникова в «Сказках старого Арбата» Майклом Хорберном. Его замечательной партнершей была Филисите Кендл, лучшая Виктоша из всех, которых я видел. Однако «Старомодная комедия» Шекспировского, конечно, это снова был для меня «актерский пир». Антони Куэл и Пегги Эшкрофт были выше всех похвал. Я очень рад, что Пегги была присуждена премия за лучшую роль сезона. Помню, на приеме после премьеры кто-то сказал: «Вы были абсолютно русской!» — «Да, я могу себя считать не только английской, но и русской актрисой, — ответила Пегги Эшкрофт. — Я многим обязана мужу, режиссеру Федору Комиссаржевскому, а потом я переиграла всех трех сестер в «Трех сестрах» и вообще все женские роли Чехова». Надо сказать, что Чехова в Англии после Шекспира любят и ставят больше всех. Я сам видел там пять блестящих и абсолютно разных постановок «Чайки». Можно только пожалеть, что они не привозят к нам Чехова, боятся, что ли, со своим самоваром в Тулу ехать? А для нашей публики, уверен, это было бы событием.

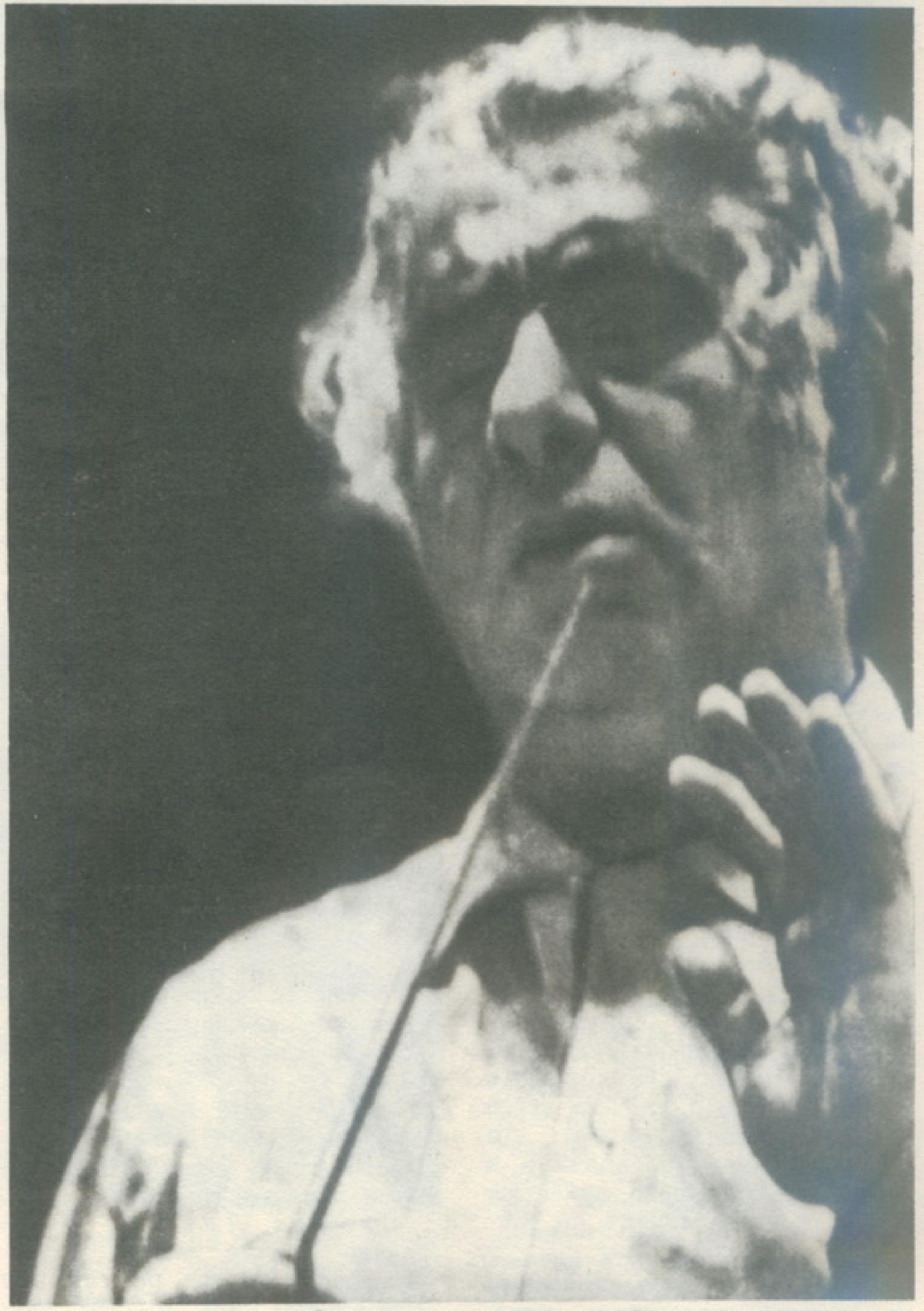
«Мы воспринимаем Арбузова как естественного преемника Чехова».

(Из рецензии в газете «Дейли мейл»)

Арбузов. Я лично не скрываю, что завидую Антону Павловичу глубоко и бесконечно. Завидую потому, что он всегда останется современным, ведь чем большему числу людей может писатель помочь найти себя, тем более современен он. Я убежден, что каждый драматург должен стремиться к тому, чтобы его пьесы тревожили людей, заставляли их задумываться. И не только в своей стране, но и за ее пределами.

Беседу вел А. МЕССЕРЕР

АРАМ ХАЧАТУРЯН: МУЗЫКА — ЭТО ДЕЛО СЕРДЦА

Он не просто советский композитор, он принадлежит всему миру.

(Из рецензии в английской газете «Обсервер»)

На «бис» английский певец Роберт Янг исполнил песню «Онидин лайн». «Это моя любимая песня, — сказал он, — да не только моя, но и миллионов англичан». Он начал петь, и все узнали знакомую мелодию. Но ведь это адажио из балета «Спартак» Хачатуряна! Каким образом оно вдруг превратилось в английскую песню?

Стэнли Лауден (английский композитор и импресарио): «Онидин лайн» — самый популярный за последние пять лет английский телевизионный фильм. Это сага о потомственных корабелах, строящих прекрасные суда. Онидин — имя героя, а «лайн» (линия) здесь скорее означает призвание. Действие фильма разворачивается на море, и в первых же кадрах плеск волн сливается с могучей, страстной мелодией Хачатуряна, которая потом звучит во всех кульминационных моментах. Слова к ней написал известный английский поэт Ньюэлл. Вот уже много месяцев эта песня стоит первой или одной из первых в хит-парадах — она вошла в каждый дом, стала песней улиц, площадей. Только великий композитор мог создать такую мелодию.

Тревор Ричардсон (известный английский музыкальный критик): Подобно Моцарту и Штраусу, автор «Онидин лайн» захватил воображе-

ние поистине массовой аудитории своего времени. Но если Моцарт и Иоганн Штраус вынуждены были писать для богатых и сильных мира сего, то у Арама Хачатуряна совсем другая судьба. Он сын Армении, страны древнейшей культуры и богатых традиций. Но он и сын революции (в 1917 году ему было 14 лет), посвятивший свою жизнь служению советскому народу.

«Ровесник»: Арам Ильич, как вы отнеслись к тому, что англичане, с которыми вы встречались, от таксистов до лордов, как правило, прежде всего восхищались мелодией «Онидин лайн»?

Хачатурян: Сказать, чтобы я безумно ликовал, нет. Мне уже не раз приходилось сталкиваться с тем, что мои мелодии подвергаются самым разнообразным и неожиданным обработкам. Например, «Танец с саблями» из балета «Гаянэ» был переложен для всех составов — джазовых, рок-ансамблей и т. д. Я вовсе не возражаю против обработок, в конце концов, история музыки знала немало хороших примеров, когда один композитор с успехом аранжировал музыку другого. Но пусть только не искажают моих гармоний, не перевирают и не вульгаризируют мои мелодии. Возьму две крайности: великий скрипач Хейфец сделал аранжировку «Танца с саблями» для скрипки и исполнял ее с блеском, и в то же время один эстрадный певец весьма пошлым образом насвистывал эту мелодию. Я, конечно, знаю, что аранжировки популяризируют мою, а следовательно, советскую музыку. Но хотелось бы, чтобы люди прежде всего знали оригинал, потому что тот же «Танец с саблями» я писал для большого оркестра, и лучше всего звучит он все-таки в оркестре.

В Англии корреспонденты меня часто спрашивали, почему мои мелодии становятся популярными. Трудно ответить на этот вопрос. Я искренний композитор, музыка для меня — дело сердца, может быть, поэтому. Исполнители считают меня слишком требовательным и неудобным композитором. Я действительно не прощаю ничего, требую, чтобы исполняли каждую ноту так, как я ее слышу. Ибо это не просто выдумано, а пережито, идет, что называется, из нутра. Говорят, я слишком много репетирую. Действительно, в Англии я настоял на пяти репетициях перед концертом, хотя оркестр — Лондонский симфонический — превосходен. Я благодарен им за то, что они отдали мне свое сердце, свое внимание и свое доброе отношение. Но даже с этими великолепными музыкантами мне пришлось много работать, чтобы донести до слушателя мою музыку так, как я ее представляю. Мнением слушателя композитор должен дорожить превыше всего. Как прекрасно сказал Чайковский, нужно уметь слушать свои сочинения ушами слушателей.

Мелодия — это один из самых сильных элементов композиции. Помните у Пушкина: «Одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия». Сочинять мелодии очень трудно. Как я их сочиняю — не могу сказать. Говорят, в моих мелодиях есть народные интонации. Ну и слава богу! Я специально не думаю: надо бы здесь кусочек народной интонации дать, а тут приложить что-то свое... Нет, я не конструирую, пишу так, как чувствую. Некоторые западные критики брюзжат, что моя музыка, дескать, рассчитана на слишком демократическую аудиторию. Что бы они там ни говорили, а я убежден, что в мире не было и нет композитора, который не хотел бы завоевать симпатии максимального количества людей к своей музыке. И наше счастье, что возможности для этого сейчас отличные. Скажем, в Лондоне на концерте в Ройал фестивал холле присутствовало 6 тысяч человек. Если учесть, что такие концерты транслируются часто по радио и телевидению и записываются на пластинки, то можно говорить о миллионных аудиториях. Конечно, мне было особенно приятно, что лондонский таксист, узнав меня, тепло говорил не только об «Онидин лайн», но и о концерте, на котором он присутствовал накануне. Я почувствовал в его словах уважение и симпатию к нашей стране. Впрочем, не возражаю, когда мою музыку хорошо оценивают и лорды и маркизы...

Стэнли Лауден: У англичан давняя любовь к Хачатуряну. Многие до сих пор вспоминают, как в 1940 году впервые исполнялся великолепный Первый концерт Хачатуряна для фортепьяно с оркестром. В тот вечер гитлеровские люфтваффе варварски бомбили Лондон, но люди слушали музыку и верили в торжество добра. Между прочим, первая исполнительница этого концерта в Англии наша прославленная пианистка Мура Лимпани встречалась с Арамом Хачатуряном во время его последних гастролей, и композитор преподнес ей свои сочинения.

Мура Лимпани приходила за кулисы Альберт холла, чтобы поздравить Арама Хачатуряна и Николая Петрова, блистательно исполнившего тот же концерт. Это был подлинный триумф. Трудно передать, какой восторг у лондонской публики вызвало одно появление Арама Хачатуряна на сцене.

Как симфонист, владеющий всей палитрой оркестровых красок, как композитор, обладающий феноменальным мелодическим даром и поразительной ритмической изобретательностью, он уже завоевал себе место не только в истории советского, но мирового музыкального искусства.

Из рецензии в английской газете «Санди таймс»

Н а с н и м к а х: слева: афиша одного из концертов А. Хачатуряна во время гастролей в США. Справа внизу — на концерте в знаменитом греческом Акрополе, вверху — встреча с французскими школьниками.

Все встали, и в течение нескольких минут продолжалась овация. Я счастлив, что принимал участие в организации гастролей, и считаю, что они послужат важной вехой в развитии культурных связей между нашими странами. Приведу один маленький пример, свидетельствующий как о популярности у нас Хачатуряна, так и о широте его натуры. Благотворительная организация «Оксфэм», помогающая беспризорным детям, обратилась к Хачатуряну с просьбой подарить ей рукопись одного из его сочинений. Несмотря на огромную занятость, Арам Хачатурян нашел время для того, чтобы переписать от руки свою новую пьесу. Эта рукопись была мгновенно продана на аукционе за 10 тысяч фунтов стерлингов, и деньги пошли на строительство детского дома.

Как импресарио мне пришлось выполнять трудную и неблагодарную миссию — ограждать Арама Хачатуряна от многочисленных почитателей его таланта, которые хотели лично выразить ему свое признание.

«Ровесник»: Арам Ильич, с кем все-таки вам удалось встретиться в Англии, несмотря на старания вашего импресарио, какие встречи особенно запомнились?

Хачатурян: Я принял приглашение бывшего премьер-министра Эдварда Хита. Он к тому же музыкант и дирижер и интересовал меня прежде всего в этом качестве. К нему на прием пришло много известных музыкантов и деятелей искусства. Хит расспрашивал меня о творчестве наших молодых композиторов. Я увидел, что он имеет весьма смутное представление о нашей музыке, как, впрочем, и многие другие английские музыканты. Я обещал выслать в Англию пла-

стинки и ноты наших талантливых композиторов из Москвы, Ленинграда, Закавказских республик... Уверен, что их произведения могли бы с честью соревноваться с зарубежными сочинениями, и мы с гордостью должны показывать их во всем мире.

Любопытная встреча у меня была с актерами после спектакля «Иисус Христос — Суперстар». Думаю, что спектакль этот не религиозный, а остросоциальный. Христос выступает в нем не как божественное существо, а как бунтарь. Очень сильно сделан дуэт Иисуса и Иуды, мне показалось, что психология их взаимоотношений выписана под влиянием Достоевского — Смердяков и Иван в «Братьях Карамазовых». Двигаются артисты прекрасно, в очень быстром темпе, даже непонятно, как они успевают петь. Поют в непривычной нам манере Я спросил актера, играющего Христа, как ему удаются такие высокие ноты, и он тут же за сценой продемонстрировал мне свою технику. Понравилась и публика: было много молодежи, даже дети. И реагировали они активно, непосредственно. Любопытно, что авторы этой и других рок-опер все чаще заимствуют мелодии либо из фольклора, либо просто-напросто цитируют классических композиторов. Это еще раз свидетельствует о том, что молодежь тянется к эмоционально выразительной в подлинном смысле и народной по своему духу музыке. Между прочим, актеры поинтересовались моим отношением к рок-музыке. Я сказал им, что все жанры считаю равными и весь вопрос в качестве музыки, в ее содержании. По моему убеждению, есть только два рода музыки — хорошая и плохая. Плохая музыка может быть симфонической и джазовой и наоборот. Я помню, как впервые пришел на концерт Дюка Эллингтона, увидал массу медных инструментов на эстраде и даже испугался, думал, что уши заболят от такого количества меди. Но в тот вечер я получил огромное удовольствие, потому что это была прекрасная музыка в своем жанре. Я только не люблю, когда молодые люди, отстаивая какой-нибудь один жанр, перечеркивают все остальные. Я не верю тем, кто говорит, что не понимает, скажем, музыки Чайковского, Рахманинова, а понимает только рок-музыку. Это просто-напросто отсталые люди, мировоззрение которых настолько убого-ограниченно, что они вообще не способны воспринять никакую хорошую музыку, в том числе и легкую. Вообще слушать музыку и разбираться в ней непросто. Для этого необходимо иметь не только хорошие уши, но и голову. Только тогда вам открывается в ней глубина и содержательность. К сожалению, многие смотрят на музыку как на бездумное развлечение, как на средство, способствующее пищеварению.

«Ровесник»: Арам Ильич, известно, что многие зарубежные композиторы мечтают учиться у вас. Не могли бы вы рассказать подробнее о вашем интернациональном классе?

Хачатурян: За рубежом ко мне действительно обращаются многие молодые композиторы с просьбой прослушать их сочинения и дать консультацию. Именно так я познакомился в Японии с Нобуа Тарахарой. Это очень талантливый парень, принимавший деятельное участие в знаменитом движении «Поющие голоса Японии», которое объединяет миллионы любителей песни. Я пригласил его в Московскую консерваторию, в свой класс. Сегодня Тарахара один из ведущих композиторов Японии. Его кантата, посвященная жертвам Хиросимы, имела огромный резонанс как на родине композитора, так и далеко за ее пределами. Другой мой ученик, Анатолий Вийеру из Румынии, завоевал несколько премий на международных фестивалях современной музыки и сейчас сам профессор Бухарестской консерватории. Занимались у меня в классе и композиторы из Египта, Венесуэлы, Кубы и других стран.

Мои ученики очень разные по своему творческому почерку композиторы. И все же, мне думается, в их музыке есть и общие черты — эмоциональность и то, что я называю национальной принадлежностью. Если взять сочинения, например, Вийеру или Тарахары, Эшпая или Таривердиева, то это могут быть самые современные по форме произведения, но с первых же тактов вы почувствуете, что в музыке слышатся русские, румынские или японские интонации. За этим я, как педагог, особенно слежу.

Во время гастролей за рубежом — я уже выступал с концертами в 40 с лишним странах — мне приходилось знакомиться с крупнейшими учебными заведениями, такими, как Лондонская академия музыки, Парижская, Венская консерватории, Джульярдская школа в США, академия «Санта Чечилия» в Италии. И сегодня я могу с гордостью сказать, что центром музыкальной культуры мира стала Москва, что Московская консерватория является лучшей и самой сильной, выпускающей наибольшее число выдающихся музыкантов.

Беседу вел М. АЗАРИН

По тротуару топали фашисты. Человек двадцать. Колонной по четыре в ряд. Коричневые гимнастерки со свастикой на рукавах были перетянуты портупеями. Икры ног облегали блестящие кожаные краги.

Был жаркий летний день. Фашист в первой шеренге на ходу пил кока-колу из горлышка бутылки. Другой фашист жевал резинку. Третий тащил транзисторный приемник, из которого рвалась на простор лихая ковбойская песня.

Вы, наверное, уже догадались, читатель, что вся эта сцена происходила не в Германии, а в Соединенных Штатах Америки. А если еще точнее: в Вашингтоне, на Пенсильвания-авеню, недалеко от Белого дома. Время действия — наши дни.

На каждом углу от колонны отделялся один фашист, выбирал место в тени и принимался раздавать прохожим листовки. В этот жаркий полдень прохожих было мало. Некоторые брали листовки, другие равнодушно проходили мимо. Рядом с фашистом, тоже в тени, стоял разомлевший от духоты полицейский и лениво поглядывал сквозь темные очки — то на фашиста, то на прохожих, то на меня, остановившегося неподалеку.

Потом нас стало четверо. Пожилая женщина молча подошла к фашисту и неожиданно плюнула в него. Думаю, что она метила в свастику, а попала в крагу на ноге. Полицейский укоризненно покачал головой и лениво произнес, обращаясь к даме:

— Нехорошо, мадам. Вы не имеете права плевать в людей.

— Я не плевала в людей, — ответила полицейскому женщина, выделяя слово «людей».—Не вижу перед собой никаких людей,— продолжала она с вызовом. — Этого нацистского подонка я не могу отнести к людям...

— Проходите, мэм, здесь нельзя останавливаться.

— Если здесь нельзя останавливаться, то почему он здесь торчит? — кивнула женщина в сторону штурмовика, который, нагнувшись, вытирал крагу носовым платком.

— У него есть разрешение полицейского управления.

— А нет ли у него разрешения построить тут газовую камеру? — издевалась над полицейским женщина. — Такого разрешения ему еще не выдало полицейское управление?

Привлеченные перебранкой, стали останавливаться прохожие. Полицейский вышел из тени и решительно поправил ремень, на котором висели пистолет и наручники.

— Мэм, я прошу вас пройти и не устраивать здесь митинга.

— Вы что, собираетесь арестовать меня?

— Я вынужден буду сделать это, — потерял терпение полицейский. — Вы нарушаете порядок! Вы собираете толпу!

— Значит, меня вы арестуете, а его оставите здесь, этого болвана со свастикой? — кипятилась женщина. — А вы знаете, оффисэр, что у меня брат погиб в Германии в 1944 году?..

— Я очень сожалею, мэм, но это печальное обстоятельство не дает вам права...

— Нет, вы только послушайте, — обратилась женщина к зевакам, призывая их в свидетели. — У меня права нет, а у фашиста есть! Это как же называется, хотела бы я знать?!

— Это называется демократией, мадам, — съязвил какой-то парень со связкой учебников под мышкой.

Женщина горько усмехнулась и, покачав головой, пошла вдоль Пенсильвания-авеню. Разошлись и зеваки. Фашист взглянул на часы, подошел к полицейскому и сказал:

— Жарко. Я бы кофейку сейчас выпил. Не подержите мои листовки, пока я в кафе схожу?

Полицейский оторопел от такой наглости. Он раскрыл рот, подыскивая, наверное, слова повыразительнее, но фашист опередил его.

— Ну зачем так волноваться, — сказал он миролюбиво. — О'кэй, о'кэй!

Проходя мимо меня, он протянул мне листовку. В ней говорилось: «Национальный альянс молодежи» — это растущая, активная организация молодых мужчин и женщин, озабоченных судьбой страны и решивших взять судьбу Америки в свои руки. Мы боремся за установление нового социального порядка в США для того, чтобы показать пример всему миру».

Ниже был адрес организации: дом 1653 по 33-й улице.

Далеко идти не пришлось. Через тридцать минут я был уже у дверей штаб-квартиры «Национального альянса молодежи». Обыкновенный двухэтажный домик из красного кирпича, каких немало в Джорджтауне — старинном районе американской столицы. Над стеклянной дверью — табличка: «Судьба Запада». Больше ничего. Я сверил адрес. Все правильно.

Вхожу. Небольшая комната вся заставлена книжными полками. На стенах портреты Гитлера, Муссолини, Франко. А вот и американская галерея: сенатор Голдуотер, губернатор штата Алабама Джордж Уоллес, конгрессмен от штата Джорджия Лоуренс Макдональд и другие неизвестные мне джентльмены.

Ну а что же на книжных полках? Ого! Серьезная библиотека! Чего только здесь нет. «Как покончить с коммунизмом», «Руководство для снайперов», «Ручные гранаты и как ими пользоваться», «Организация уличных боев». Здесь же толстенная книга «Последние дни Романовых». К обложке прикреплена краткая аннотация: «Этот труд по-новому освещает причины революции в России, деятельность русских царей и их трагическую гибель».

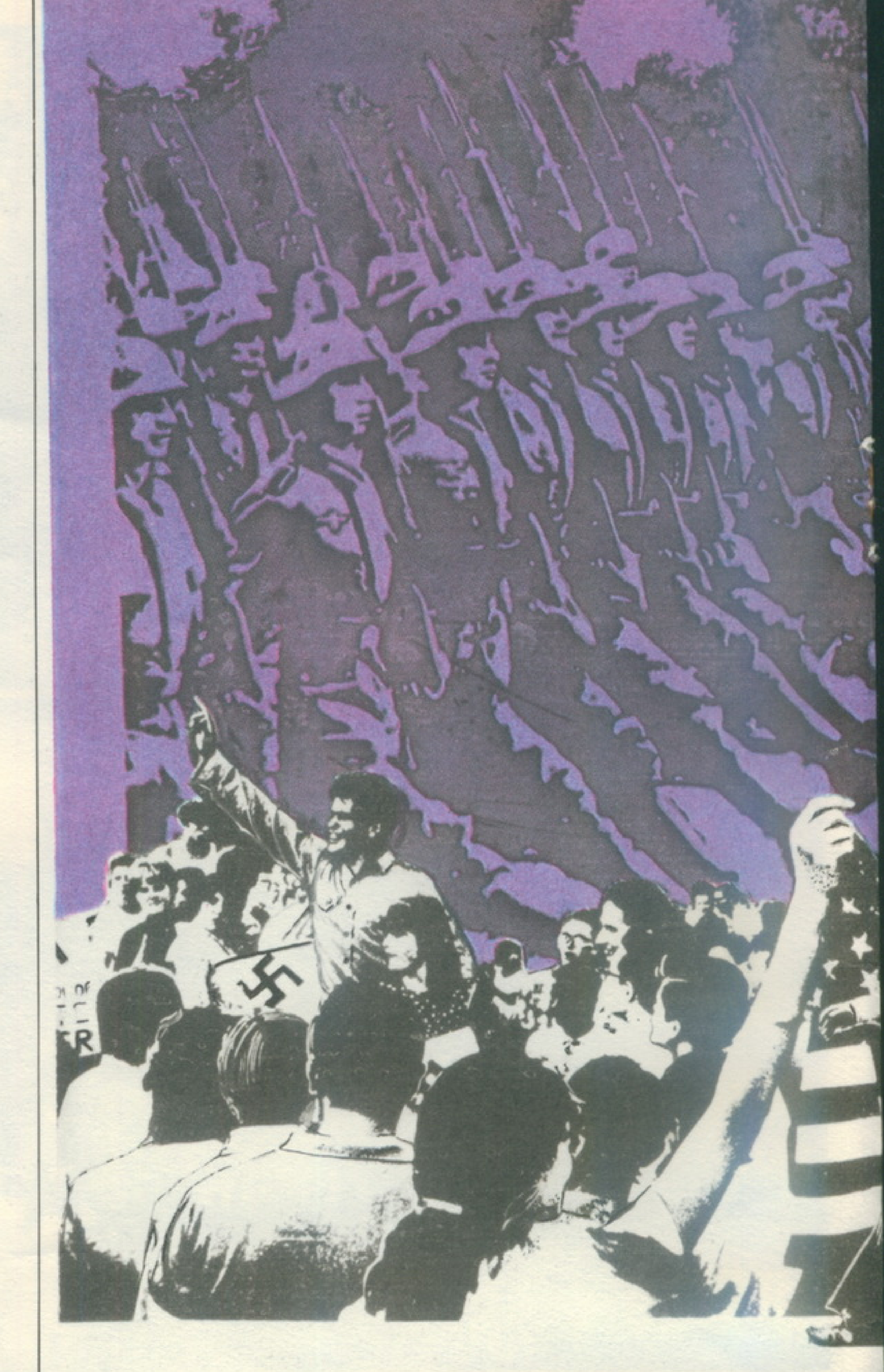
Только теперь замечаю за столом молодого человека в штатском костюме и белой рубашке с галстуком, украшенным свастикой. Он внимательно следит за мной, но вопросов не задает и сам разговора не начинает.

— Можно взять? — спрашиваю я, показывая на кипу газет. Молодой человек кивает головой, отчего челка черных волос почти закрывает его левый глаз. Ни дать ни взять молодой фюрер. Только усиков не хватает.

Газета называется «В атаку».

— В атаку — на кого? — спрашиваю я.

Он мнется, не зная, говорить ли мне все или только часть правды.

НЕВЫЕ”
СТРИТ

Борис СТРЕЛЬНИКОВ,
спец. корр. «Правды» — для «Ровесника»

— Мы атакуем наркотики, — начинает он нерешительно, — смутьянов в университетах...

— И все? — удивляюсь я.

Он смелеет.

— Нет, наша главная атака — на коммунизм, на либералов, на черных смутьянов, — чеканит он, поправляя челку. Он подробно рассказывает, что организация создана молодыми почитателями алабамского губернатора Уоллеса, который, как известно, был кандидатом в президенты США.

Молодой человек с челкой все еще, видимо, не знает, говорить ли мне всю правду. Мы ходим вокруг темы, вокруг да около главного, но так и не можем открыться друг другу. Он не спрашивает меня, кто я, а я не спрашиваю, о чем хочу спросить.

На мой вопрос, как сообщники губернатора Уоллеса собираются атаковать коммунизм, он неопределенно отвечает:

— Путем просвещения молодежи, путем рассылки книг о коммунизме, путем проведения митингов и демонстраций.

— И вы уверены в своей победе?

— Нет, конечно, — соглашается он, — так коммунизм не победишь. Мы знаем, что нам придется взять в руки оружие. И этот час когда-нибудь наступит. Мы готовимся к нему.

Ну что же, картина в общем ясна. Пора задавать главный вопрос. Я прошу моего собеседника назвать имена «фюреров».

— Если это не секрет, — добавляю я.

— Никакого секрета нет, — отвечает он. — Организацию возглавляют Роберт Ллойд и Уильямс Пирс.

Вот наконец и все встало на свои места. Я ведь лично знаком с обоими руководителями. С доктором философии Пирсом, этим «теоретиком» американского фашизма, я однажды долго беседовал в его штаб-квартире на окраине Вашингтона. Он тогда мне сказал:

— Мы прямые наследники Гитлера. То, что не удалось сделать ему, должны сделать мы. Мы создаем и формируем ударные отряды штурмовиков...

Мы беседовали с Пирсом в доме № 2507 по улице Норт Франклин роуд в пригороде Вашингтона. Я пришел туда без всякого предупреждения и сказал дежурному фашисту с пистолетом на боку:

— Корреспондент «Правды» хотел бы поговорить с кем-нибудь из рукоюдителей партии.

Растерявшийся дежурный вызвал Пирса. У меня уже был готов к нему вопрос.

— Правда ли, что фашизма больше нет, что фашизм мертв?— спросил я у «теоретика».

Как я и ожидал, Пирс возмутился:

— Это мы-то мертвы?.. Да известно ли вам, что...

Я попал в точку. Он пригласил меня в свой кабинет, чтобы убедить в том, что фашизм жив.

— Несколько лет назад, — откровенничал он передо мной, — на съезде в английском городе Котсуолде было создано всемирное объединение национал-социалистов. На учредительном съезде присутствовали нацисты из США, Англии, ФРГ, Австралии, Франции, Ирландии и Бельгии. Сейчас эта организация объединяет партии и группы фашистов из 25 стран. Штаб-квартира объединения здесь, вот в этом самом доме, где мы беседуем. А доктор Пирс, ваш собеседник, — генеральный секретарь этой всемирной организации...

Второй раз я видел этого наследника фюрера на митинге фашистов, который они устроили неподалеку от министерства юстиции.

— Мы должны победить любыми способами, — кричал Пирс с деревянной трибуны, — почему мы стесняемся применить ядерное оружие?

На этом же митинге я познакомился и с Робертом Ллойдом. Он был в форме штурмовика. Узнав, что перед ним корреспондент «Правды», он сказал:

— Я знаю лишь один способ общения с красными: убивать их.

Фашисты — это только одна из разновидностей американских «ультра». Таких организаций более сотни, и объединяет их всех махровый антикоммунизм. Работая в Америке, я знал многих из этих людей. С некоторыми из них мне довелось жить в одном доме. Я помню, например, мадам Коуртни, в нарядах которой вы не нашли бы ни одной красной нитки.

— Когда я вижу красное, со мной делаются судороги, — откровенничала со мной мадам Коуртни. — Единственное красное, что обрадовало бы мои глаза, это кровь убитого коммуниста.

Я помню господина Крайла, который на автозаправочных станциях всегда требовал «антикоммунистического» бензина. Изумленным заправщикам он пояснял, что ему нужно горючее, «которое бы сожгло коммунистов во всем мире».

Свихнувшиеся на антикоммунизме мадам Коуртни и господин Крайл называют себя «первой линией обороны против коммунизма». Народ называет их «пещерными жителями».

Помню, как лет пятнадцать назад 18 тысяч таких вот «пещерных людей» собрались в нью-йоркском зале «Мэдисон-сквер гарден». Участники сборища жаждали крови. В накуренном зале висела тяжелая брань вперемежку с молитвами. Сенаторы Голдуотер, Тауэр и Тэрмонд последними словами поносили неких «либералов», будто бы ответственных за провалы внешней политики США, и требовали нового «сокрушительного» наступления на коммунизм. «Мы хотим войны!» — визжали с галерки возбужденные девицы неопределенного возраста.

— Война уже началась! — браво рявкнул им в ответ конгрессмен Дональд Брюс. По его знаку на трибуну взобрался редактор журнала «Нэшнл ревью» Бозелл и громко объявил... приказ:

— Начальникам объединенных штабов: завершить приготовления для высадки на Кубу.

— Командующим войсками США в Германии: прорвать границу между Западным и Восточным Берлином.

— Главе комиссии по атомной энергии: немедленно начать ядерные испытания в атмосфере.

— Главе Центрального разведывательного управления: ускорить организацию подрывных сил против социалистических стран.

Было очень смешно смотреть, как старенький, тощий редактор, не сходя с места, «уничтожал» коммунизм от Москвы до Гаваны. Не знаю, какие чувства испытывал при этом корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор», но в своем репортаже он написал, что митинг «ультра» был похож на ярмарку скота, в котором приняли участие честолюбивые политиканы, антикоммунистические святоши, расисты и хулиганы.

На этом сборище я впервые увидел Роберта Уэлча — еще одного американского фюрера.

Фотографии этого бледного седого господина с колючими глазами и большими оттопыренными ушами до сих пор то и дело появляются в американских газетах и журналах. Он много путешествует по стране, пользуясь личными самолетами своих богатых друзей. Когда он, опустив очи и безмолвно шевеля губами, сходит с самолета и направляется к ожидающей его машине, его можно принять за баптистского проповедника. Но в кругу единомышленников он преображается. Приподнимаясь на цыпочки, потрясает кулаками и кричит до хрипоты. Речи его длятся иногда пять-шесть часов и посвящены одной и той же проблеме: как спасти Америку от коммунизма?

Когда-то он был совладельцем крупной компании по производству конфет. Теперь руководитель ультраправого «Общества Джона Бэрча».

Рассказывают, что ветреным утром 8 декабря 1958 года к роскошному особняку в пригороде Индианаполиса один за другим подъехали пятнадцать «кадиллаков». Их встречали на улице хозяин особняка и Роберт Уэлч. Когда гости собрались за «круглым столом», Уэлч обратился к ним с речью:

— Джентльмены, вы альфа и омега Америки. Я знаю, вы разделяете мое мнение, что угроза коммунизма велика, как никогда. У нас в запасе лишь несколько лет. Мы еще не погибли, но уже стоим на опасном перекрестке.

Совещание продолжалось два дня. Поздно ночью охрипший Уэлч поднял бокал с шампанским за успех только что созданного «Общества Джона Бэрча».

— Третья мировая война, война против коммунизма, началась в день окончания второй мировой войны. И первой ее жертвой был капитан Джон Бэрч. Его именем мы и назовем нашу организацию, — провозгласил «фюрер».

До этого американцы даже не знали, что существовал когда-то Джон Бэрч. Сперва он был баптистским миссионером в Китае. В 1945 году, к великому изумлению некоторых наивных его друзей, он неожиданно предстал перед ними в военной форме с погонами капитана. Оказалось, что тихий баптист давным-давно служит в американской разведке. В том же году, говорят, он был убит в стычке с китайскими крестьянами.

Журналисты разыскали людей, которые помнят, что в свое время студент Джон Бэрч, будущий американский шпион в Китае, написал донос на своего 75-летнего профессора. В доносе говорилось, что профессор в частной беседе выразил сомнение в существовании Адама и Евы. Несчастного старика разжаловали и уволили из университета. За это студенты хотели вывалять Бэрча в смоле и перьях и пронести его по улицам на шесте, но будущий «герой» предусмотрительно сбежал из родного города под покровом темноты. И вот теперь его имя сияет на знамени американских «ультра».

Общество его имени — полусекретная организация. Но бэрчисты в общем-то не скрывают своих целей и методов.

— Америку нужно взять за шиворот и как следует встряхнуть, — говорит Уэлч. Это расшифровывается так: американских коммунистов — в тюрьму, сторонников политики разрядки — в кандалы, профсоюзы распустить, университеты «почистить».

Я хотел встретиться с Уэлчем, но мне отвечали, что он не желает разговаривать с коммунистом. В штаб-квартире организации я все-таки побывал. Она размещается в двухэтажном кирпичном здании в городе Бельмонт. В штабе работают около 50 человек. Они целый день печатают на машинках, на ротаторах, почти беспрерывно звонят по телефонам, встречают и провожают курьеров. У двери одной из комнат стоят два дюжих верзилы — охрана «фюрера». Друзья предупредили меня, что охранники, если узнают, кто я такой, проломят мне голову.

На этой же улице — здание почты. Начальник почты говорит, что «общество» его самый крупный клиент.

— Три раза в день они приносят по мешку почты, — рассказывает начальник. — Что в конвертах — известно: угрозы и доносы, инструкции и листовки.

Однажды кто-то предложил расследовать деятельность «общества».

— Ну что же, — отозвался сенатор Голдуотер. — Начните с конгресса, и вы увидите, какой там будет переполох...

Голдуотер просто намекнул, что многие члены конгресса состояли в «Обществе Джона Бэрча». Расследование не состоялось.

Джордж Ваннесс уже немолодой человек. В свое время он служил в морской пехоте, и уж кто-кто, а он-то знает, как стрелять из снайперской винтовки и метать гранаты. В отличие от обитателей кирпичного домика на 33-й улице он не собирается заманивать в свою организацию молодых людей обещанием борьбы против наркотиков. Подпольная штаб-квартира у него строго засекречена. Где она находится, никто не знает. Когда он решил поговорить с репортерами, то пригласил их в загородный ресторан в штате Мэриленд недалеко от столицы. Я узнал о предстоящей пресс-конференции от коллег из агентства ЮПИ.

Джордж Ваннесс, весьма упитанный мужчина с распахнутым воротом и типичным армейским ежиком на голове, не спеша попивал кока-колу и непринужденно рассказывал:

— Когда красные высадят десант, мы уйдем в горы, леса и болота. Мы будем вести партизанскую войну. Этому мы сейчас и обучаем членов нашей организации «Минитмен». Недавно мы провели маневры в горах под кодовым названием «Варфоломеевская ночь»...

Он подождал, пока мы запишем его слова. Журналистов, кроме меня, было еще трое. Точнее, считалось, что их шесть человек, но после пресс-конференции выяснилось, что двое из присутствовавших лишь прикидывались журналистами, а на самом деле были агентами Федерального бюро расследований (ФБР). Они сидели за отдельным столиком позади Ваннесса и изо всех сил вытягивали шеи, чтобы не пропустить мимо ушей чего-нибудь важного. Один из агентов потом скажет репортерам явную ложь:

— А мы в ФБР думали, что эта организация уже распалась.

Тем временем Ваннесс продолжал свой рассказ:

— Группа, что недавно проводила маневры в горах, имела два полевых передвижных госпиталя, четыре мобильные радиостанции и одно мобильное электронно-вычислительное устройство для нужд разведки и контрразведки.

— Сколько же человек принимало участие в маневрах? — спросил журналист.

— Это военная тайна, — мягко улыбнулся Ваннесс, — но могу сказать, что наша организация насчитывает 163 тысячи бойцов. 86 процентов из них — бывшие морские пехотинцы, бывшие солдаты и офицеры специальных войск «зеленые береты». Много членов ку-клукс-клана.

— Чем вы вооружены? — спросил другой репортер.

— Всем, чем надо, от пистолетов до пушек, — ответил Ваннесс и провел ладошкой по своему армейскому ежику.

Бывший морской пехотинец разошелся. Отодвинув от себя стакан и тарелку, он постукивал волосатым кулаком по столу и перечислял «внутренних врагов», которых «минитмены» держат на мушке. В этом списке были коммунисты, «мирники», студенты, негры, сенаторы, выступающие за разрядку международной напряженности, либеральные журналисты. И чем больше, чем сердитее он говорил, тем яснее становилось, что не к отражению мифического десанта «красных» готовятся «минитмены», проводя свои маневры в горах и лесах, а к подлинной варфоломеевской ночи, во тьме которой они мечтают залить землю Америки кровью «внутренних врагов».

Страх перед будущим вызывает у крупного капитала США тоску по фашизму. Капиталистов охватывает ужас при виде могучей притягательной силы идей коммунизма. Даже самые твердолобые начинают понимать, что время работает не на них, что будущее за коммунизмом. «Невыносимо видеть, как Америка сползает со своих позиций руководства миром, — пишет журнал бэрчистов «Американ опинион». — Наша неспособность остановить это сползание вызывает горькое отчаяние».

Много огорчений доставляет антикоммунистам американская молодежь, особенно студенты. Юноши и девушки хотят знать, что такое коммунизм. Когда в колледже города Монмаунт был введен обязательный курс антикоммунизма, студенты заявили: «Мы отказываемся обсуждать вопросы, связанные с идеологией коммунизма, без участия в дискуссии самих коммунистов». К ужасу «ультра», студенты почти каждого университета стали приглашать к себе в аудитории коммунистов.

— Университет, который не разрешит коммунисту говорить, рискует превратиться во второразрядное учебное заведение, — признался президент Орегонского университета.

Однажды Институт общественного мнения Гэллапа провел опрос среди молодежи: «Что вы думаете о коммунизме?» Результаты опроса буквально ошеломили «ультра». К своему удивлению, они обнаружили: около 45 процентов опрошенных считают, что коммунизм значительно укрепит свои позиции в мире в течение ближайших 25 лет, в то время как позиции капитализма будут ослабевать.

Вот почему и мечется придурковатый господин Крайл в поисках горючего, которое бы испепелило идеи коммунизма во всем мире. Вот почему замучила бессонница Роберта Уэлча, маленького американского «фюрера» из города Белмонт.

Вашингтон — Москва

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ: ГОРОД ДЛЯ ЛЮДЕЙ

В. ГЛАЗЫЧЕВ, архитектор

Весь мир строит. Строит много, с каждым годом все больше, а нужда в жилище растет еще быстрее. Города расползаются по земле, как кляксы по промокашке: в Голландии они заняли уже десять процентов территории, Атлантическое побережье США превратилось фактически в сверхпоселок одноэтажных домиков в тысячу миль длиной, где бывшие города — острова в жилом море. Но рапорты экспертов ООН все тревожнее: у десятков миллионов над головой нечто, весьма условно именуемое кровом, у миллионов нет и этого — в одной Калькутте около полутора миллионов «горожан» по вечерам спешат разложить на тротуаре тощий матрасик, иначе не хватит места. Западная статистика оперирует средними цифрами, и они внушают почтение: в одном лишь Парижском районе число квартир за двадцать лет выросло в два с половиной раза, в Италии за то же время построено около 35 миллионов комнат и т. д. Но статистика — наука политическая, и за солидностью достоверных цифр скрывается, если распутать бесконечные ленты чисел, совсем иная достоверность.

Если потянуть за нитку, окажется, что в той же Франции число квартир за умеренную плату возросло в полтора раза, а число квартир «люкс» — в шесть раз; в Италии лишь 13,5 процента новых квартир доступны людям со скромным доходом, 16 миллионов итальянцев, по данным на март 1975 года, жили в перенаселенных или вредных для здоровья жилищах, и в то же время 7,5 миллиона комнат в новых домах пустовали из-за непомерно высокой квартирной платы.

Так что же все-таки происходит сегодня с городом? То, что города растут везде, известно; то, что в городах производится подавляющая часть национального продукта развитых стран, тоже известно. Известно и то, что города, если они идут в ногу со временем, стóят все дороже; растет стоимость прокладки улиц и расширения водопроводной сети, ремонта и содержания — вообще стоимость комфорта. Это объективный процесс, он присущ всем городам — и нашим и чужим. Но города растут по-разному, и потому среднестатистические величины так обманчивы. У нас это плановое расселение и строительство по всей территории страны. А не у нас?

Год назад Нью-Йорк был на грани финансового банкротства, отодвинутого лишь специальными мерами федерального правительства (причины банкротства не устранены, и будущее десятимиллионного города по-прежнему неопределенно). Дюссельдорф, Дортмунд, Гамбург и еще два десятка городов ФРГ неспособны выплатить задолженность банкам и фактически находятся в их власти. В других странах Западной Европы ситуация сход-

на. Можно ли здесь говорить о разумном регулировании роста?

Есть и другие города, проблемы которых еще острее. Население Калькутты может к концу века разрастись настолько, что возникнет 60-миллионное скопление людей, для которого нет даже соответствующего названия. Мехико-Сити может достигнуть 18 миллионов жителей. Стремительно разрастаются города Африки. Ясно, что о регулировании роста, о разумном преобразовании среды говорить трудно: ситуация вышла из-под контроля и все еще продолжает обостряться.

Есть область знания и умений, для которой проблема города — хлеб насущный, — это градостроительство. Есть специалисты, обязанные по роду своих занятий искать и находить ответы на вопросы, которые ставит жизнь города, — это архитекторы. Архитектура — занятие общественное, требующее от профессионала развитого чувства социальной ответственности. Понятно поэтому, что, сталкиваясь с клубком проблем современного города, западный архитектор оказывается в ситуации драматического выбора пути, выбора позиции.

Проще всего тем, кто естественно избирает привычное: работать на заказчиков, способных оплатить реализацию смелой творческой фантазии, холодно выбросить из сознания всех остальных. Это весьма хорошо оплачивается, и — добавим — к такому выбору толкает долгая традиция архитектуры, всегда опиравшейся на богатства власть имущих. В таких случаях проверенная конструктивным расчетом фантазия создает замкнутые островки «второй природы», подчас действительно прекрасные сооружения. Так возникают города-островки, достаточно близкие к крупным центрам, чтобы в них было удобно работать, достаточно удаленные от них, чтобы чувствовать себя «среди своих». У этих городов, вроде Коламбиа-Сити в США, нет стен, но они надежно огорожены барьером арендной платы, заменяющей некрасивую надпись «Посторонним вход воспрещен». Так же точно встают над старыми городами знаменитые «дома-початки» Марина-Сити в Чикаго или реализованная утопия «Джон Хэнкок Центр» в том же городе — стоэтажная громадина, где можно родиться, учиться, работать, развлекаться, жениться и состариться, ни разу не выйдя наружу. В этом доме-комплексе есть все для комфортабельного существования, и прочнее, чем небьющееся пылеотталкивающее стекло, покой его жителей защищает квартирная плата, значительно превосходящая хороший среднемесячный заработок.

Решая подобные задачи, архитекторы, выбравшие эту позицию, отгораживаются от всех тех, кому не по карману создаваемые ими произведения. И если тысячи квартир в олимпийской деревне Мюнхена так и остаются пустыми, если квадратный метр в новом доме Парижа стоит дороже, чем целая квартира в провинции, — ведь такое от архитектора не зависит, а значит, и не волнует. У него другая забота — изящный силуэт, комфортабельная планировка, необычные формы, тонкое колористическое решение.

Но профессия архитектора, повторяем, социальна, и есть на Западе другие архитекторы, мечтающие о том, чтобы совместить богатство творческого замысла с решением широких общественных задач, чтобы архитектуру для избранных превратить в архитектуру для всех.

У этого направления уже долгая история: сто лет назад француз Тони Гарнье думал над проектом «индустриального города», чуть позже англичанин Говард разрабатывал проект «города-сада» — воплощения классового мира. Полвека назад тоже англичанин Питер Аберкромби создает концепцию микрорайона как «сообщества соседей», основанного на сотрудничестве и общении. Утопические идеи Фурье и Оуэна всегда были привлекательны для части архитекторов, по-разному искавших способы воплотить их в камне.

Когда во времена президента Джонсона в США была выдвинута идея «великого общества», она породила и программу «обновления городов». Было задумано около 1600 проектов реконструкции старых трущобных районов, населенных беднейшими слоями белых, негров и пуэрториканцев. Немного осталось от этой программы, ведь доля государства и муниципалитетов в жилищном строительстве, и без того ничтожная, за последние десять лет сократилась с 2,3 процента до 0,9 процента. Смехотворно мало по сравнению с тем, что нужно. Реквиемом на кончину программы «обновления» прозвучал взрыв: 11-этажные дома нового района Прют Игоу в Сан-Луи с помощью динамита были превращены в гигантскую груду мусора. Дешевые квартиры (с дотацией муниципалитета), созданные специально для бедноты, были мгновенно переполнены сверх всяких пределов, безработица и в новых домах осталась безработицей. Прют Игоу с первых же дней превратился в район наивысшей преступности, царство наркоманов. Не в силах совладать со стихией, власти города приняли беспрецедентное решение: полиция выгнала всех на улицу, и дома были взорваны.

На другом конце света, в Скандинавии, в странах, славящихся своим богатством, бедность выглядит иначе, оставаясь бедностью. В Швеции, где полвека правили социал-демократы, доля государства в жилищном строительстве упала за последнее десятилетие с 4,3 процента до 2 процентов, все прочее строительство, грамотное, красивое, великолепного качества, — коммерческое, дорогое. Но что происходит с двумя процентами? В 1974 году в Стокгольме был заселен микрорайон Фельтеверстен, заранее объявленный воплощением жилищной программы социал-демократов: стереть социальное неравенство, создав разным группам населения одинаковые жилищные условия. Действительно, одни и те же квартиры одни получали за полную плату, другие со значительной скидкой. Результат? В бюллетене об обмене квартир в Стокгольме во всех объявлениях присутствует дописка: «кроме Фельтеверстена». Классовое братание, как и следовало ожидать, не состоялось, более состоятельные квартиросъемщики покидают новый микрорайон, за которым закрепилась репутация третьесортного, остающиеся каждый день чувствуют, что живут они здесь за счет муниципальной благотворительности. Архитекторы сделали что могли, но ожидавшегося укрепления соседских контактов не получилось: в библиотеках и кафе пусто, по холлам и коридорам общественной части комплекса ветер носит бумажные обертки, а в полицейском участке, предусмотрительно и деликатно встроенном в самый угол комплекса, кипит работа.

Радикально настроенная архитектурная молодежь Запада, которую тревожит социальная совесть, не видит дома реального поля для приложения своей фантазии и умения на пользу всем. Поэтому так много молодых архитекторов из Голландии, Швеции, США, ФРГ или бросают профессию, превращаясь, как в Бруклине и Бронксе (районы Нью-Йорка), в «архитекторов-адвокатов», возглавляющих борьбу жителей за перестройку школ, ремонт домов, разбивку хоть крошечных скверов, или уезжают работать в страны «третьего мира», где чувствуют себя более нужными. Там, столкнувшись с вопиющей бедностью десятков миллионов тех, кто недавно стал горожанами, молодой архитектор из США, Франции или ФРГ впервые ясно видит, что его учили не так и не тому. Его учили, что достаточно спланировать умно и красиво новые кварталы, добиться их относительной экономичности и комфорта, представив самого себя в роли будущего жильца, и проблемы города как-то решатся сами собой. Теперь он увидел, что умно и красиво планируются кварталы далеко не для всех, что миллионам и миллионам людей не дано оценить остроумие решений и изящество воплощения проектов, потому что им никогда не жить в этих умных и красивых кварталах.

Открыв для себя проблемы городов «третьего мира», часть архитектурной молодежи «открыла» их и у себя дома — обширный мир бедности, острейшей нужды в жилище. Этот мир менее заметен, не так бросается в глаза, как архитектурные шедевры, созданные для элиты. Этот мир составляют многодетные семьи рабочих низкой квалификации, иммигрантов, иностранных рабочих, вступающих в жизнь молодых людей.

Сделав это открытие, молодой архитектор обнаруживает, что архитектурные прелести «дома-крепости» для обеспеченного «среднего класса» лживы. Что внешне столь уютные пригороды спроектированы в расчете на один-единственный вариант образа жизни: хорошо зарабатывающий и изрядно уставший глава семьи средних лет и средних вкусов. В этих пригородах, по крайней мере в большинстве из них, попросту тоскливо жить, если тебе неинтересно в сотый раз стричь газон и в тысячный раз глядеть в пасть телевизору.

Если архитектор все это увидел и понял, его профессиональный выбор неизбежно получает политическую окраску. Там, где сильны коммунистические партии, где есть «красные» муниципалитеты, перед молодым архитектором открываются новые возможности. Если выдвигаются конкретные, обоснованные экономически планы реконструкции городов, архитектурная молодежь страстно включается в общую работу. В 1974 году в Гренобле собрались по инициативе Французской коммунистической партии градостроители, социологи, художники, представители муниципалитетов. Они обсуждали принципы вовлечения широчайших масс в архитектурное переустройство городов, видя в рядовых горожанах не пассивную массу потребителей, а активных участников создания проектов. Эта идея получила воплощение при застройке Иври (района Большого Парижа). Проект обсуждался вместе с жителями, и во время конкурса возник популярный теперь среди молодых архитекторов лозунг: «Пойдем в новые города и будем расти вместе с ними!» У тех, кто сосредоточенно ищет профессиональные ответы на вопросы, которые ставят перед ними города, районы, кварталы, дома, то есть вся жизнь обычных горожан, у тех, кто не хочет быть «как все», трудный старт и немалые сложности впереди. Есть кому пожелать успеха.

МАМОНТ — ТОКИО

Владимир ЦВЕТОВ, соб. корр. Центрального телевидения, и Всесоюзного радио в Японии — для «Ровесника»

Пятьдесят метров черепашьим шагом. Остановка. Впереди чадит выхлопной трубой монотонный грузовик, и видно, как сажа оседает на капоте моей машины. Сзади бампером упирается в багажник такси. Еще пятьдесят метров, кажущихся пятьюдесятью километрами, и опять остановка. Обычное токийское пригородное шоссе, узкое, извилистое и забитое транспортом. Вплотную к обочине — мрачные от копоти деревянные домишки и бесчисленные рекламные щиты.

Вдруг шоссе резко раздается вширь и делается четырехрядным. Исчезают убогие строения, и будто светлее становится вокруг. Автомобиль набирает скорость, легко взбегает по гладкому асфальту на холм, и взору открываются удивительный по красоте пейзаж, знакомый по цветным гравюрам древних японских мастеров, и очертания города, столь фантастические, что чудится: не обычный шестицилиндровый «седрик» доставил меня в город-спутник «Тама нью таун», а машина времени занесла в XXI век.

Радостное изумление длилось, однако, недолго — ровно столько, сколько потребовалось, чтобы преодолеть расстояние от холма до первых домов. Гнетущее чувство охватило меня: город был мертв, как пирамиды, как Помпея, с той лишь разницей, что «Тама нью таун» не умер, обезлюдев; он родился мертвым.

Кто и почему зачал его и в чем причина смерти города при рождении?

Многочисленные и долгие беседы в Токийском муниципалитете, магнитофонная запись которых заняла добрых четыре километра пленки, помогают найти ответ на первые два вопроса.

«Город-мамонт» — называют японцы свою столицу. Сравнение весьма удачное. Токио — самый большой по площади город в мире. В нем — около 12 миллионов жителей, почти 100 тысяч заводов и фабрик, более 250 тысяч магазинов и лавок, свыше 100 высших учебных заведений. И масштабы проблем, с которыми сталкивается этот огромный город, тоже «мамонтовые».

Шестьдесят процентов городской территории принадлежит частным лицам. Перед Олимпийскими играми 1964 года муниципалитет выкупил земельный участок и проложил 6-километровую дорогу к олимпийскому комплексу. Если самыми крупными японскими банкнотами — по 10 тысяч иен — выложить эту дорогу, то ее мостовой и тротуаров не хватит, чтобы уместить всю сумму, выплаченную бывшим хозяевам земли. С тех пор муниципалитет больше не пытается вступать в торги, и это чувствуется на каждом шагу. Да и цены на землю возросли почти в десять раз.

Перед могуществом частной собственности на землю и недвижимость бессильны и здравый смысл, и, разумеется, муниципалитет.

В Токио почти 3 миллиона автомобилей. На счастье токийцев, они не выезжают все вместе сразу, иначе не нашлось бы и клочка земли, чтобы мог поставить ногу хотя бы один прохожий. Площадь токийских улиц составляет 13 процентов к общей площади города, в то время как в Вашингтоне, например, 25 процентов. Вот почему уличное движение в своем городе токийцы именуют «транспортной войной». И это действительно война — и по числу жертв дорожных происшествий, и по грохоту и шуму, которые, если их измерить в децибелах, немногим уступают артиллерийской подготовке.

Семь миллионов человек должен перевезти токийский общественный транспорт в сутки. Он с трудом справляется с этим. В токийском метро есть специальная должность толкачей, которые в часы «пик» запихивают людей в вагоны. Камеры находок в метро по номенклатуре и количеству хранящихся там вещей не уступают универмагу: на стеллажах длиною около 100 метров выставлены несколько десятков тысяч ботинок и туфель, 500 тысяч зонтиков, 107 искусственных вставных челюстей и даже восемь урн с прахом умерших, не говоря уж о бесчисленных пуговицах, перчатках и шляпах. Эти предметы толкачи не успели всунуть или вбросить в вагоны вслед за их владельцами.

В Токио представлены все отрасли промышленности — от фабрик, выпускающих застежки-«молнии», до заводов, где делают компьютеры и оборудование для атомного производства. И воздух здесь насыщен поэтому всеми, за небольшим исключением, элементами таблицы Менделеева. В летние жаркие и безветренные дни, когда под воздействием солнца происходит реакция соединения закиси азота, углеводорода и двуокиси серы, телевидение и радио прерывают передачи и объявляют «фотохимическую тревогу». В один из дней «фотохимический смог» уложил в больницы 6 тысяч человек, главным образом детей. Когда среди токийских предпринимателей провели опрос с целью выяснить, как они относятся к проблеме загрязнения среды, 20 процентов из них заявили: а что это такое, загрязнение среды?

В Токио строится немало жилья. Но только малая часть из тех 60 процентов токийских семей, которые занимают по 12 квадратных метров на каждую, стремятся перебраться в новые квартиры. Напротив парламента постепенно освобождается от строительных лесов многоэтажный жилой дом. Я остолбенел, прочитав рекламный плакат, вывешенный у стройки и приглашающий купить в этом доме квартиру. Четырехкомнатная квартира в нем стоит 200 миллионов иен! Чтобы заработать такую сумму, японский квалифицированный рабочий должен трудиться 100 лет.

Муниципалитет, сознавая свое бессилие решить городские проблемы, вознамерился обойти их. Строительство городов-спутников, «городов-спален», как еще их называют, показалось муниципалитету удачным обходным маневром. «Тама нью таун» — один из тринадцати таких городов, задуманных токийскими властями.

Во-первых, земля в 40 километрах от Токио несравненно дешевле участков внутри черты города, рассуждали в муниципалитете, и заплатить за нее посильно муниципальному карману, традиционно тощему, как и во всех капиталистических странах. Во-вторых, на свободном месте есть возможность прокладывать широкие улицы, способные пропускать большое количество транспорта, и возводить дома так, чтобы в жилые помещения всегда светило солнце, не проникал заводской дым и не доносился шум улицы. И в-третьих, жилье можно строить в соответствии с самыми последними санитарно-техническими достижениями и оснащать его новейшим бытовым оборудованием. Это проще и дешевле, чем осовременивать жилые дома, где вместо пластика полы устланы соломенными «татами», а стены между комнатами — деревянные или фанерные раздвижные перегородки.

После бесед в муниципалитете мне стали понятны причины рождения «Тама нью тауна». Но почему же в город-спутник не желают переезжать токийцы, даже те, чье жилье официально признано непригодным для существования человека? За ответом я и отправился в «Тама нью таун».

Отыскав среди красивых, построенных с архитектурной и инженерной выдумкой шести-семиэтажных зданий то, в окнах которого видны занавески, на балконах белеет развешанное белье и у подъездов выстроились велосипеды, звоню в первую попавшуюся квартиру. Ее занимает семья служащего токийской торговой фирмы. Главе семейства 43 года. Его жене — 40. Дочь учится в колледже, ей 18 лет. Общий ежемесячный доход семьи — 210 тысяч иен. Это выше среднего по Японии уровня.

Задаю вопрос: «Довольны ли вы жизнью в «Тама нью тауне»?»

Хозяин ответил не сразу. Он долго повторял: «Со дэс нэ-э-э», — выражение, имеющее тысячу значений в зависимости от интонации, в данном случае: «как бы это лучше сказать» или «вот уж задали вы мне задачу», и наконец ответил поговоркой, перевести которую на русский язык можно примерно так: «Хоть и протухший, но тай». Тай — самая ценная в Японии рыба. Видимо, столь неподдельное недоумение отразилось на моем лице, что в разговор вмешалась хозяйка, до того времени почтительно молчавшая при разговоре мужчин.

— Арендная плата за квартиру — шестьдесят тысяч иен в месяц, — произнесла она и замолчала.

Итак, первая и самая главная причина, почему пустуют дома в «Тама нью тауне», — высокая арендная плата. Эта семья платит за квартиру примерно четвертую часть своего бюджета. А ведь дома-то в городе-спутнике построены муниципалитетом, а не частной компанией и считаются самыми дешевыми! Вспоминаю разговор в муниципалитете. Стоимость жилищного строительства в Японии исключительно высока, жаловались чиновники. Растут цены не только на землю, но и на строительные материалы, на металл. «Инфляция...» — чиновники беспомощно разводили руками.

Хозяин все же разговорился и назвал вторую причину, почему его «тай» исто-

чает гнилостный запах. «С тех пор как мы перебрались сюда, стоимость проезда в электричке поднялась на тридцать процентов», — сказал он. В конце нынешнего года проблема поездок из «Тама нью тауна» в Токио сделается для моего собеседника еще острее: железнодорожные компании требуют нового повышения цены на проездные билеты и, несомненно, добьются своего.

Опять подала голос хозяйка:

— Раньше мы жили в районе со множеством лавочек, и я могла выбирать продукты подешевле. Здесь же я вынуждена делать покупки в «супермаркете», где все значительно дороже. — И добавила: — Других магазинов здесь нет, и владелец «супермаркета», чувствуя себя монополистом, назначает чудовищные цены.

Картина прояснилась. Законы капитализма неотвратимы. Они одинаково действуют и там, где люди поселились еще до промышленной революции, и там, где жизнь людей проходит под знаком революции научно-технической.

Более трехсот квартир в «Тама нью тауне» подключены к так называемой «системе информации по коаксиальному кабелю». Что это такое, я узнал, зайдя в одну из таких квартир. В гостиной, как и принято в японских домах, на самом видном месте — телевизор. Правда, вид у него скорее промышленной, чем бытовой установки. Под экраном — панель со множеством кнопок. Нажав одну, получаешь информацию о ценах на товары. Нажимаешь другую, заказываешь «доставку» на телеэкран любимого кинофильма или концертную программу популярной певицы. Давишь на третью и узнаешь результат сегодняшнего бейсбольного матча.

«Система информации по коаксиальному кабелю» проходит сейчас проверку. Когда эксперимент завершится, специалисты вынесут заключение о целесообразности подобной «электронизации» японских городов. Однако в квартире, где я ознакомился с «системой», вывод, сдается, уже сделали.

— Поначалу всем нам очень нравилась эта игра в электронику, — рассказывала хозяйка квартиры. — Дети по нескольку раз на день узнавали сводку погоды, я постоянно справлялась о товарах в универмагах. Но однажды вечером я спросила вернувшегося с работы мужа о новостях в Токио. Он молча нажал кнопку, и на телеэкране поползли строчки информационных сообщений из токийской городской газеты. И тогда мне сделалось страшно.

«Город — это восторг общения и радость уединения», — говорят японцы. «Электронизация» города «Тама нью таун» лишает его жителей общения, а уединение становится сродни одиночеству на необитаемом острове.

И еще мысль, высказанная хозяйкой «электронизированной» квартиры. «Сейчас за пользование телефоном я плачу 6 тысяч иен в месяц». Хозяйка назвала среднюю цифру, потому что в Японии абонентная плата зависит от числа и продолжительности телефонных разговоров. «Еще зимой я платила вполовину меньше, — продолжала она. — Судя по всему, в конце года плата за телефон опять поднимется. Интересно бы знать, сколько нужно будет платить за «систему информации по коаксиальному кабелю»?»

Создатели «Тама нью тауна» уклонились от решения «мамонтовых» проблем Токио. И погрузили себя в пучину новых проблем, которые ничуть не легче прежних. Глава токийского муниципалитета, представитель левых сил Рёкити Минобэ лучше, чем кто-либо из его сотрудников, понимает это. Минобэ сказал:

— Коренное решение трудностей возможно лишь на базе социалистических преобразований, и прежде всего на базе ликвидации частной собственности на землю, иначе говоря, национализации городских земель. Однако в условиях господства капиталистического строя в стране решение главных проблем города социалистическими методами, естественно, не представляется возможным.

Недавний опрос, проведенный в Токио, показал, что лишь чуть больше половины токийцев намерены продолжать жить в столице. Остальные или собираются в ближайшее время уехать из города, или хотели бы сделать это, будь у них такая возможность.

Бежать из Токио... Но куда?

ПЫТКА ПОДЗЕМКОЙ

Александр КОКБЕРН,
американский журналист

Впервые я познакомился с метро, когда мне было два года. Это было в Лондоне во время второй мировой войны. Когда начинался налет немецких бомбардировщиков, родители хватали меня на руки и устремлялись в укрытие — на станцию «Сент Джонс вуд».

Если бы метро в Лондоне хоть какнибудь походило на нью-йоркскую подземку, то, по моему твердому убеждению, лондонцы сдались бы через несколько недель после начала налетов фашистской авиации, призвав Черчилля немедленно капитулировать.

Скажу со всей откровенностью: поездка в нью-йоркской подземке — одно из самых мучительных и унизительных испытаний, которым каждодневно подвергает людей современная западная цивилизация. Это подлинный кошмар.

Десять утра. Час «пик», к счастью, уже миновал. На 96-й улице я вхожу в метро и спускаюсь на платформу. Быстро окидываю взглядом пассажиров и с облегчением вздыхаю: среди них не видно хулиганов, которые сегодня то ли решили отдохнуть, то ли отправились подыскивать жертвы на соседнюю станцию.

Слышится стук колес, и из тоннеля появляется состав. На огромной скорости он проносится мимо платформы, оглушая пассажиров. Некоторые непроизвольно зажимают уши ладонями. (В Нью-Йорке поезда следуют несколькими маршрутами, переходя с одной линии на другую. Кроме составов, останавливающихся на всех станциях, курсируют экспрессы, делающие редкие остановки. — Прим. ред.)

Проходят минуты томительного ожидания. Наконец — нужный мне поезд. В вагоне, остановившемся напротив меня, не горит свет. По крайней мере, мне так кажется, ибо разглядеть что-либо через закопченное, испещренное рисунками и нецензурными надписями стекло просто невозможно. Я что есть мочи устремляюсь к соседнему вагону, в котором виден свет. Моему примеру следуют десятки пассажиров. Около двери, у которой открылась лишь одна створка, образуется толпа. Энергично работая локтями, каждый старается протиснуться в узкий проем. Передо мной оказывается грузная женщина. Мне хочется оттолкнуть ее, но в последнее мгновение я сдерживаюсь. Она пробирается в вагон, набитый до отказа, и в этот момент створка двери закрывается, прищемив мне руку. С трудом освобождаюсь из плена. Состав исчезает в тоннеле. С ненавистью гляжу ему вслед.

Я решаю попробовать добраться до редакции по другой линии и направляюсь к переходу. Слышу грохот приближающегося состава и ускоряю шаг. Но мне снова не везет. Поезд, в котором меньше, чем обычно, вагонов, останавливается далеко за серединой платформы. Перехожу на бег. Впереди меня ковыляет пожилой человек. Почти одновременно мы, казалось, достигаем цели. Но двери состава закрываются.

Я с трудом перевожу дыхание. Проходит 10 минут. Успеваю несколько раз позвонить по телефону-автомату. На платформе несколько телефонных будок. Мне кажется, их установили специально для того, чтобы пассажиры, дожидающиеся вечно опаздывающих поездов, могли убить время. Затем дежурный по станции начинает своеобразную игру в кошки-мышки. Гнусавый голос объявляет по радио, что «поезд задерживается на 10 минут». Но через восемь минут мы слышим грохот приближающегося состава. Он влетает на станцию и — проносится мимо.

Через 15 минут напрасного ожидания у меня созревает план добраться до редакции уже третьим маршрутом. Снова пересадки, давка в вагонах, проносящиеся мимо экспрессы. Наконец в 11.20 я выхожу на «Юнион сквер».

В 1948 году проезд в подземке стоил пять центов, и она перевозила ежегодно по два миллиарда человек. В настоящее время стоимость проезда возросла до 50 центов, а число поездок сократилось до миллиарда. Однако оказалось, что взимать с каждого пассажира за проезд в метро даже по 50 центов явно недостаточно, чтобы обеспечить его «самоокупаемость». И городские власти, поговаривая о возможном новом повышении цен за проезд, всячески экономят на всем, что касается удобства и безопасности пассажиров. Получается порочный круг: плата растет, а транспорт приходит во все больший упадок. Никто не удивится, если в скором времени проезд в нью-йоркской подземке будет стоить один доллар.

Ночь. Я иду на риск совершить еще одну поездку в метро. Станция почти пустынна, и от страха у меня трясутся поджилки. Чтобы немного успокоиться, вспоминаю слова директора транспортного управления по связям с общественностью Жака Неварда о том, что самое безопасное время — час ночи. «В это время, быть может, совершается больше всего преступлений на улицах, — сообщил он. —

В метро же преступники наиболее активно орудуют между двенадцатью часами дня и восемью вечера. «Пик» приходится на период от четырех до шести вечера».

Невард похвастался еще одним фактом: «Наша программа по «отлову зайцев», которые пользуются фальшивыми жетонами либо норовят задарма проскочить через турникет, привела к аресту человека, направлявшегося грабить банк, и к задержанию другого, который совершил преступление в соседнем штате».

Однако Невард не удосужился упомянуть весьма любопытную цифру: за первые шесть недель 1977 года число серьезных преступлений против пассажиров в метро возросло на 39 процентов по сравнению с тем же периодом прошлого года. По официальной статистике, в 1976 году в нью-йоркском метро зарегистрировано 5 убийств, 5 изнасилований, 145 пассажиров подверглись нападению хулиганов.

А между тем мой состав со страшным ревом мчался вперед. То и дело его резко бросало из стороны в сторону. Я прекратил подсчитывать, сколько у меня шансов стать жертвой преступников, и подумал о перспективе погибнуть в катастрофе. Вероятность этого возрастает с каждым днем.

Недавно одна общественная организация обследовала 1200 вагонов. 80 процентов из них имели серьезнейшие дефекты: не открывались двери, не зажигался свет, отсутствовали огнетушители, не функционировали вентиляция и отопление. И конечно, в вагонах было полно грязи и мусора.

«Существует огромная вероятность серьезнейшей катастрофы» — к такому заключению пришел представитель профсоюза транспортных рабочих.

Об этом говорят и многие происшествия. На станциях в Бронксе на голову пассажирам с потолка то и дело сваливаются огромные болты. На одной из линий вниз обрушилась вентиляционная труба, убив одного и ранив несколько человек. Не работают многие дренажные установки, и вода разрушает пути. На платформах скапливаются горы мусора, и в любой момент может вспыхнуть крупный пожар. Поскольку в подземке разрешено курение, его вероятность с каждым днем увеличивается.

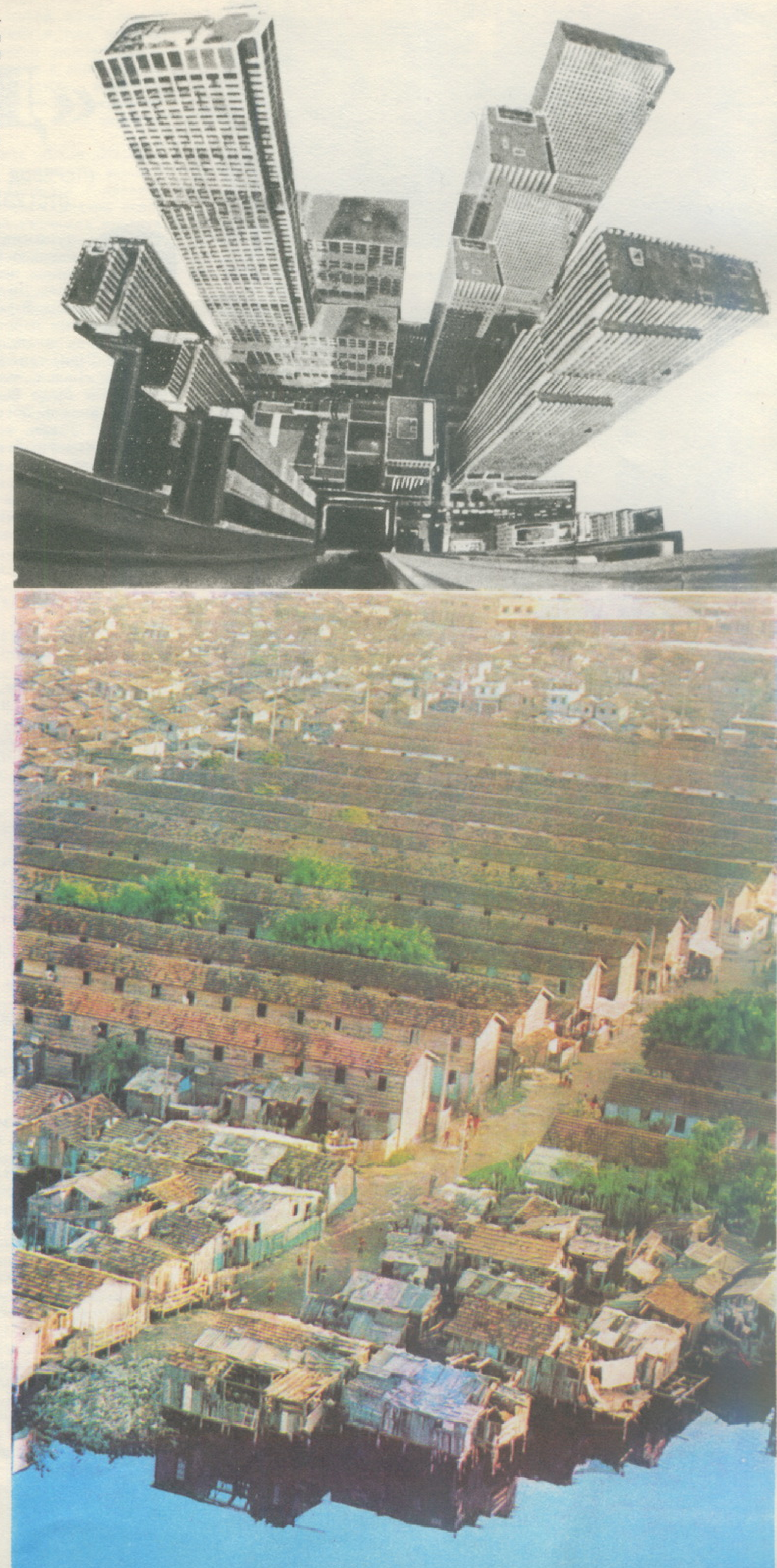
Короче говоря, рано или поздно произойдет катастрофа, жертвами которой станут сотни пассажиров.

На другой день я отправился на работу на такси, думая, что это средство передвижения позволит мне избежать мучительных неудобств, связанных с общественным транспортом. Увы, был час «пик», и машина ползла как черепаха в облаках зловонных выхлопных газов.

Что случилось в Нью-Йорке после увеличения платы за проезд в подземке до 50 центов? Число пассажиров, пользующихся метро и автобусами, сократилось на 10 процентов. Интенсивность движения личных машин и такси возросла соответственно на 16 процентов. В результате загрязнение воздуха двуокисью углерода увеличилось на 15—20 процентов. Стало больше и дорожно-транспортных происшествий — примерно на 20 тысяч в год.

Ньюйоркцами овладевают гнев и отчаяние. И если не будут приняты срочные меры, эти люди могут в один прекрасный день прийти в муниципалитет или транспортное управление и убить своих мучителей. Или, что еще хуже, применить против них чудовищную пытку, заставив ежедневно совершать поездки в подземке.

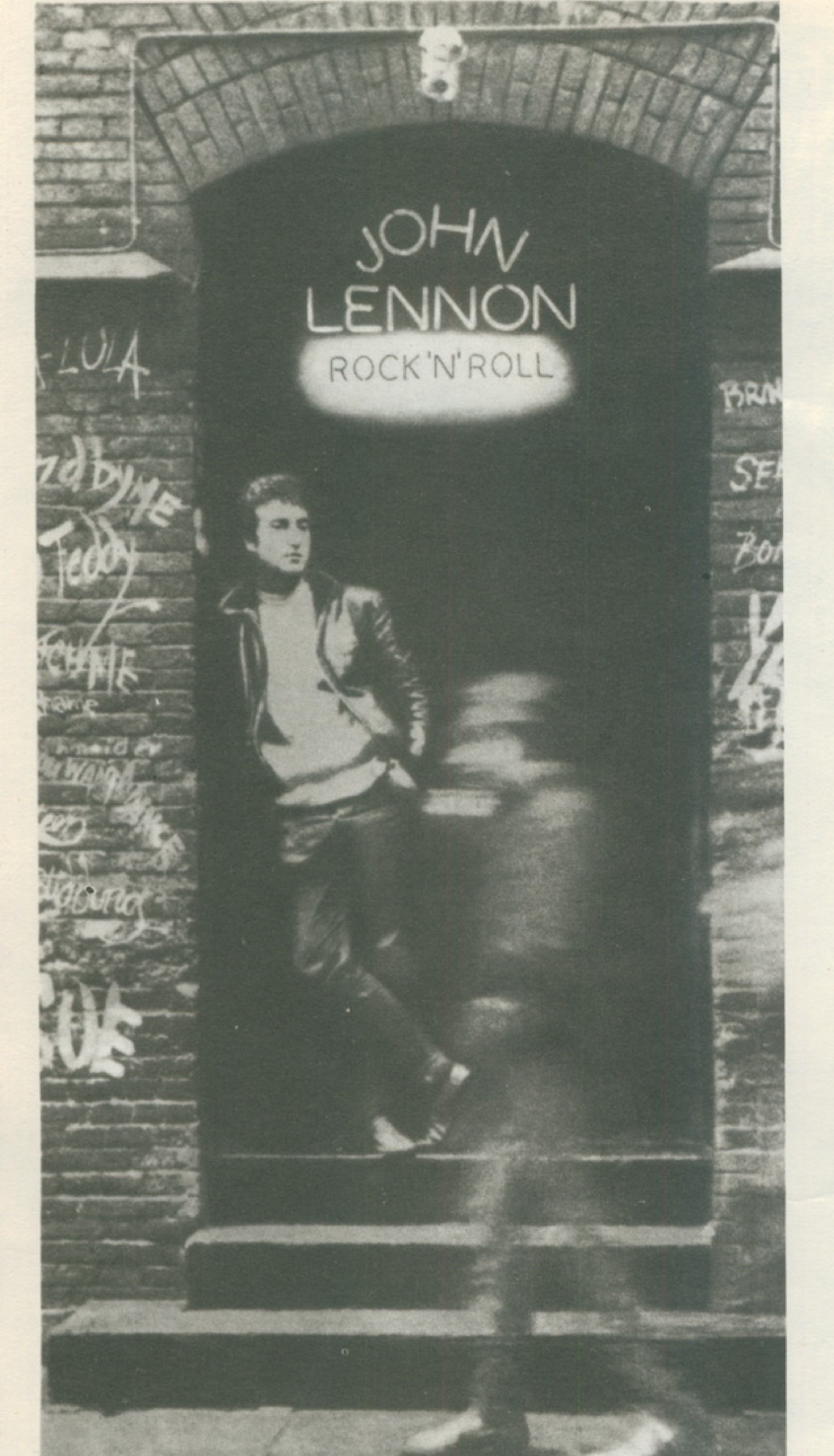
Перевел с английского С. ДАНИЛОВ

Л. РОБИНСОН,
американская журналистка

«ДЕЛО»

(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО С ШЕСТЬЮ ОТСТУПЛЕНИЯМИ ОТ ОРИГИНАЛА)

Зимой 1975 года в Англии вышла пластинка под непритязательным названием «Рок-н-ролл». На конверте ее стояла надпись: «Оживленный Джоном Ленноном».

Это собрание популярных песенок двадцатилетней давности, спетых, сыгранных и, главное, аранжированных одним из бывших «Битлз»: «Для меня это был способ вспомнить юность. Даже словом «Оживленный...» я хотел подчеркнуть некую несерьезность моей попытки. Но, вы знаете, я глядел на прошлое без усмешки, с удивлением даже: ну и ну, какими мы были, с чего мы начинали...»

Со времени распада ансамбля минуло семь лет. За этот срок и в музыке, и в жизни бывших «Битлз» произошло многое. Но творчество их продолжает интересовать любителей музыки. И по-прежнему занимает умы ностальгический вопрос — соберутся ли они вновь! Пока они дают отрицательные ответы, но — оставляют возможность для «но»... Этой статьей о Джоне Ленноне мы завершаем серию публикаций о «Битлз» теперешних — она была начата отрывком из «Авторизованной биографии «Битлз» Хантера Дэвиса в № 3/73 и продолжена рассказами о Поле Маккартни в № 8/76, Ринго Старре в № 4/77 и Джордже Харрисоне в № 5/77.

Слушание дела, должного завершить почти шестилетнюю борьбу Джона Леннона за право на постоянное жительство в США, было назначено на час дня. Дня жаркого, и, казалось, здание иммиграционного отдела Нижнего Манхэттена вот-вот расплавится: потекут стальные переплеты и сухо хрустнут стекла.

Обстановка в маленьком зале, куда набилось около полусотни человек, также располагала к мечтам о зиме. (Какой-то чиновник сказал, что в этот день посетителей в иммиграционном отделе было больше, чем за целый год, да еще в вестибюле слонялись обвешанные техникой журналисты.)

Приехал Джон — с Йоко и адвокатом Леоном Уайлдесом. На Джоне черный костюм, белая рубашка, черный галстук, черные ковбойские сапоги. Джон худ, загорел и прохладен. Волосы острижены, зачесаны назад (сейчас он очень похож на свои фотографии пятнадцатилетней давности, только тогда он еще не был одним из «Битлз», а теперь уже не был им — колесико времени совершило один оборот).

I. Джон Леннон о внешнем виде

(Из интервью американскому журналу «Роллинг Стоун», июнь 1971 года)

«Брайан Эпштейн — кстати, почему считают, что он подобрал нас и сделал из нас людей? Ведь он и других подбирал, а ничего из них не вышло... Это не он нас нашел, это мы позволили ему найти нас.

Да, так Брайан Эпштейн, когда взялся за нас, первым делом сказал: «Все, ребята, меняйте одежку. — Мы тогда носили джинсы и кожаные куртки. — Вам нужны приличные черные костюмы и галстуки». А, вы думаете, мы не хотели приличные костюмы? У нас ведь на них просто денег не было. К тому же строгий костюм еще не был нами же высмеян как признак лояльности и буржуазности... Впрочем, если бы тогда Эпштейн заставил нас нарядиться хоть в водолазные скафандры, я бы все равно не протестовал».

Репортеры вскидывают ручки и микрофоны (снимать здесь нельзя). Джон улыбается, кивает: «Вы из «Тайма», вы из «Ньюсуика»? Так?» Так. Джон всех их знает и знает их дежурные вопросы.

— Когда вам дадут «зеленую карту», разрешение на постоянное жительство, вы получите право свободно путешествовать. Вы куда-нибудь поедете?

(Леннон не мог выезжать из США, потому что его могли не пустить назад. Жил он в США как бы незаконно, и раз в год ему заявляли, что через 30 дней он обязан покинуть Америку, но эти 30 дней проходили, Леннон никуда не уезжал, проходил еще год, и так пять с половиной лет. Фактически Джон Леннон был пленником страны, которая не хотела, чтобы он в ней жил.)

— Да, да, мы сразу же уедем. Я хочу съездить в Англию. Но сначала — в Японию, к родственникам жены, показать нашего Шона. Он уже ходит.

— Ваши творческие планы?

— О, вы ведь знаете, я давно не записывался, хотя у меня накопилось достаточно новых песен. Я не мог заниматься никакими делами, кроме этого дела. Ну, теперь все. Теперь я хочу просто работать, просто быть со своей семьей и просто отдыхать.

Джон и Йоко проходят в зал, усаживаются на предназначенные места. Судья Айра Филдстил зачитывает дело: в свое время Леннону было отказано в постоянном жительстве в США, потому что в Англии он привлекался к суду за хранение в своем доме марихуаны. Он подал апелляцию на решение американских иммиграционных властей, суд первой инстанции отказал, дело передали в более высокие инстанции, и этот самый судья Айра Филдстил апелляцию отклонил.

II. Джон Леннон о деле

(Из интервью английскому журналу «Нью Мьюзикл Экспресс», март 1975 года)

«В Англии существовал закон, по которому вы несли ответственность, если у вас в доме находили наркотики, а вы были владельцем этого дома. Теперь закон этот изменен... Я вам клянусь, я не знаю, как у нас в доме оказалась «травка» — ни я, ни Йоко ею не увлекались.

А тогда, в семьдесят первом... Все было прямо как в кино. Заявились под утро человек двадцать, с собаками, перерыли весь дом — и, пожалуйста, нашли (кстати, спустя пару лет того сержанта, что руководил операцией, арестовали за всякие темные дела и за наркотики тоже). Скажите, ну зачем нужен целый отряд, чтобы арестовать двоих вполне нормальных людей? Они что, думали, я отстреливаться буду?

Я тогда даже оторопел маленько: как такое дело могли соорудить у нас, в старой добропорядочной Англии? Видите ли, у меня тогда еще сидели в голове детские сказочки про мужественного честного полицейского, который помогает старушке перейти улицу, — я сам себе удивлялся: как все-таки глубоко в нас все это...

Ну вот, мне и отказали в США».

«Нью Мьюзикл Экспресс» от себя тогда добавлял:

«Официальная причина для отказа в праве на постоянное жительство? Состоит под следствием в Великобритании. Настоящая причина? Политическая активность Джона Леннона, выступления против войны во Вьетнаме, выступления в поддержку движения индейцев за гражданские права».

Прошло время. И дело Леннона слушается заново. Все знают, что оно будет решено в его пользу, что это только формальность, но ритуал должен быть соблюден. Итак, присутствующие узнают:

что Джон Леннон «не имеет медицинских противопоказаний для проживания в США» (то есть не сумасшедший, не прокаженный и так далее);

что суд прослушал ранее написанные песни Леннона и «в них не было найдено ничего более вредного, чем то было известно ранее» (лихо сказано);

что «правительство ознакомилось с финансовым положением Джона Леннона и считает его удовлетворительным налогоплательщиком» (а именно — правительство охотно будет драть с него деньги, благо они есть).

Судья скороговоркой пробормотал, что мистер Леннон, как было установлено расследованием, вероятно, не будет представлять угрозы государству.

III. Джон Леннон о расследовании

(Из интервью американскому журналу «Крим», апрель 1976 года)

«Здесь, в Нью-Йорке, меня уверяли, что мое дело — местного значения, но адвокат выяснил, что указания исходят из Вашингтона, было даже по моему поводу письмо сенатора Термонда: «Этот человек желает остаться у нас, а мы этого не желаем». И я точно знаю, что мой телефон прослушивался и за мной следили, я заметил слежку в 1973 году. Я говорил об этом, но мне не верили: «Ох уж эти ленноновские штучки. Что за эгоманьяк!» Ну попробуй все это докажи... Впрочем, им было что выслеживать — я в то время часто встречался с Джерри Рубином [1] и его ребятами».

Джон клянется на Библии, отвечает на вопросы.

— Кроме обвинения, выдвинутого против вас в Великобритании, были вы когда-либо под судом и следствием?

— Нет.

— Состояли вы когда-либо в коммунистической партии или другой организации, цели которой противоречат целям правительства Соединенных Штатов Америки?

— Нет.

— Намереваетесь вы сделать США местом своего постоянного пребывания?

— Да.

— Каковы ваши планы?

— Я собираюсь жить здесь со своей семьей и писать музыку.

Джон смотрел прямо перед собой, изредка взглядывал на Йоко и улыбался ей уголком рта, и она сидела так же прямо все сорок пять минут, лицо ее было спокойно и серьезно.

Адвокат Леон Уайлдес спросил, хочет ли Джон что-либо добавить к своим ответам.

— Я хочу публично поблагодарить тысячи людей, знаменитых и незнаменитых, которые открыто или в частном порядке помогали мне все эти трудные годы.

Я хочу сказать спасибо вам, Леон Уайлдес, мой адвокат, за хорошую работу и за то, что она, похоже, окончена.

Я хочу публично поблагодарить Йоко, мою жену, за то, что она была со мной.

IV. Джон Леннон о своей жене и о своих песнях

(Из интервью журналу «Нью Мьюзикл Экспресс», март 1975 года)

«Я стараюсь относиться к ситуации с юмором и держаться спокойно, но внутренне я все-таки очень напряжен, и, если бы не Йоко, не ее честность и верность, я сорвался бы.

Думаю, моя напряженность сказалась и в моих песнях: что бы ни случалось с человеком, все это непременно отражается в его работе, как бы ни пытался он избегать прямых ссылок, — это я давно понял».

V. Песня Джона Леннона «Мне страшно» [1]

(Из альбома «Стены и мосты», 1974 год)

Мне страшно, страшно, страшно...
Уходят годы — и я за них плачу́.
Я говорю себе: «Все это шелуха
И мучений не стоит,
Все идет как надо...»
Но никакие слова, книги, песни
Не помогают мне избавиться от страха.

Мне страшно, страшно, страшно...
Каждый день я просто стараюсь выжить,
Я просто хочу остаться живым.
Мне больше ничего не надо...
Я говорю себе: «Не стоит волноваться,
В аду или в раю
Ты будешь просто танцевать под свою музыку —
У тебя это хорошо получается.
Не поддавайся ненависти и зависти —
Они — погибель для тебя.
Ты же всегда это знал.
Пой о любви и мире,
Дай злу покинуть твое сердце».

Я устал, устал, устал,
Я устал говорить себе все это.
Я устал от одиночества,
От того, что ни одно место в мире
Я не могу назвать своим.
Я устал быть перекати-полем.

Короткая дискуссия на тему, необходимо ли выслушивать свидетелей защиты; судья заявил, что, поскольку правительство США не возражает против выдачи «зеленой карты», свидетельские показания необязательны. Но раз уж свидетели пришли — короткий взгляд поверх очков, театр, да и только! — он не будет протестовать, если они пожелают высказаться.

А свидетели-то один другого знаменитей...

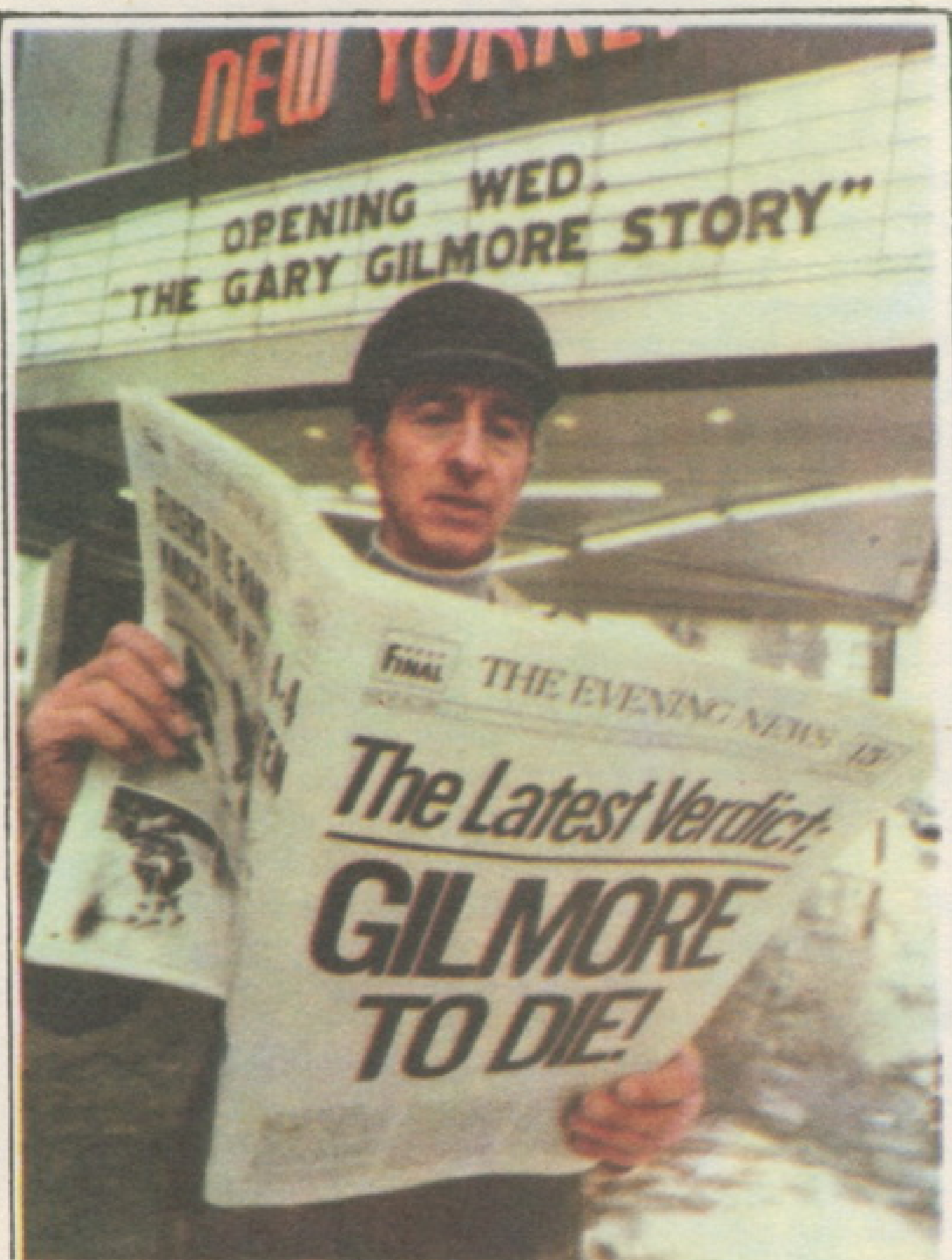
Первым выступил Сэм Траст, президент Эй-ти-би[2]. Он говорил о положительном влиянии, которое окажет на американскую музыкальную сцену присутствие Джона Леннона.

«На американской сцене сейчас депрессия, —заявил он, — и воскрешение в таблицах популярности старых пластинок

[1] *Джерри Рубин — один из активистов антивоенного движения, участник «Чикагской семерки». (См. о нем в № 7/77). — Прим. ред.*

[1] *Подстрочный перевод. — Прим. ред.*
[2] *Американская телекомпания. — Прим. пер.*

на III стр. обложки.

И ВОЛКИ И ШАКАЛЫ СЫТЫ

«Удивительная страна Америка, — сказал один писатель, — вы можете сидеть на электрическом стуле и читать в газете репортаж о том, как вы сидите на электрическом стуле». Это было сказано лет пятьдесят назад, техника за это время шагнула далеко вперед, и теперь в ожидании казни можно даже посмотреть телевизионный фильм об этой самой казни. Аршинный в буквальном смысле заголовок в газете «Ивнинг ньюс» (1 аршин, которым мерили при Петре 1, равнялся 71,12 см) извещает о смертном приговоре убийце Гэри Гилмору, а реклама над головой человека с газетой извещает о новом телевизионном фильме, живописующем похождения того же Гилмора. Таким образом, герой фильма и его прототип будут расстреляны почти одновременно — на экране и наяву. Конечно, продюсер телекомпании Эй-би-си шел на риск, ведь в последний момент казнь могли отменить, и тогда фильм прогорел бы. Но, как зло шутят коллеги, у Шиллера, завладевшего в жестокой схватке с конкурентами монопольным правом на публикацию и экранизацию истории Гилмора, «хороший нюх на трупы». Это он сумел взять интервью у лежавшего на смертном одре Джека Руби, убийцы Освальда, обвинявшегося в убийстве президента Кеннеди. Шиллер и в этот раз не прогадал. Впрочем, и конкуренты его тоже не теряли времени зря: по свидетельству журнала «Эсквайр», телекомпания Си-би-си планирует создать фильм с весьма красноречивым названием «Волки и шакалы» о том, как ловкие дельцы превратили процесс над Гилмором в «садистское шоу», в котором Гилмор заработал казнь, а дельцы — миллионы.

ВМЕСТО ЛАГЕРНОГО НОМЕРА — ПЕРФОКАРТА

«Итак, мы знаем о вас все, отец Микаэл», — сказал полицейский, любовно поглаживая блестящий бок компьютера с фирменным знаком «Сделано в США». Он нажал несколько кнопок, и телетайпное устройство начало печатать длинный список имен, адресов и телефонов лиц, знакомых допрашиваемому. «Память у этой машинки, простите за богохульство, чертовская, — ухмыльнулся полицейский, — помнит то, что вы сами о себе не помните». Разговор проходил в одном из застенков тайной полиции Уругвая, жертвой которой на сей раз стал католический священник. В отличие от сотен других жертв, исчезнувших бесследно, пастор, видимо, по недосмотру охранки вышел на свободу и поведал миру то, что уже давно стало секретом полишинеля: диктаторские режимы в Чили, Уругвае и других странах используют закупленные в США компьютеры для выслеживания и допросов «политически неблагонадежных». Другими словами, монополии США помогают ловить, пытать, убивать тысячи невинных граждан в этих странах. Бизнес как бизнес, оправдываются представители фирмы «Ай-би-эм», никто же не обвиняет Форда за то, что на его автомобилях иногда совершают убийства. «А продали бы вы свой компьютер Гитлеру?» — вопрошает заголовок статьи в профсоюзном журнале «Компьютерз десижнз». Вопрос поставлен прямо-таки с компьютерной точностью — бьет не в бровь, а в глаз.

«ГЕРНИКА» ВЗЫВАЕТ К ДЕМОКРАТИИ

Спор между двумя музеями современного искусства — нью-йоркским и мадридским из-за «Герники» грозит перерасти в международный скандал. Кому принадлежит этот шедевр XX века, ставший символом борьбы против фашизма? «Испанскому народу, — говорится в завещании Пикассо, — но вернется картина на родину тогда, когда там будет восстановлена демократия». Директор нью-йоркского музея никак не хочет расставаться с «Герникой», привлекающей миллионы любителей искусства, а потому заявляет, что Испании еще далеко до той демократии, о которой мечтал Пикассо. Испанцы резонно замечают, что не ему об этом судить. В 1969 году, во время эскалации войны во Вьетнаме, Пикассо писал испанским студентам: «Я счастлив, что с помощью «Герники» могу ежедневно выступать с политическим заявлением в центре Нью-Йорка».

НОВОЕ, СТАРОЕ, НАРОДНОЕ...

Привычно было бы назвать это событие «фестивалем самодеятельного искусства». Участники называли его, однако, чаще всего по-другому и по-разному. Одни говорили, что это «фестиваль третьего театра», потому что есть театр официальный, буржуазный, ради доходов; есть театр авангардистский, стремящийся не только эпатировать все ту же буржуазную публику, но и получить в конечном счете все тот же доход; их же театр — театр отверженных (не актеров, а публики — ее неустроенного мира, ее безработицы и нищеты). Другие говорили, что это и фестиваль театров «жаркой осени» 1969 года — года молодежных волнений, вкладывая в это тот смысл, что театр их отражает и современные интересы, и заботы левонастроенной молодежи. Третьи, наконец, говорили, что это «фестиваль фольклорного театра», поскольку многие труппы вышли из народной культуры — с тарантеллой, с Пульчинеллой, Паяцем и другими героями-масками.

Таков был недавний фестиваль, состоявшийся вблизи итальянского города Пизы, на который 400 самодеятельных групп — студенты, рабочие, служащие — привезли свое искусство, не устраивающее большие сцены, но до сих пор близкое площадям народных кварталов.

«ДЕЛО», СДЕЛАННОЕ В ФБР

Тем, кто читал «Ровесник» № 9/75, эти лица должны быть знакомы: Майкл и Роберт, сыновья Юлиуса и Этель Розенберг, казненных на электрическом стуле в 1953 году по обвинению в шпионаже. Добытые Майклом и Робертом документы изобличают ФБР в подтасовке улик. Так, ознакомившись с главной уликой на суде — «сверхсекретным» чертежом, выполненным якобы по приказу Юлиуса неким Гринглассом, два американских ученых назвали его «бессмысленными каракулями». Другой свидетель обвинения, Гарри Гольд, был попросту патологическим вралем. На следствии он называл пароль: «Я от Бенни». Может, «От Юлиуса»? — поправили его. Он охотно согласился. И еще одна деталь: ФБР, оказывается, предлагало Розенбергам «обратиться к евреям всего мира с призывом отмежеваться от коммунистического движения и подрывать его». Взамен обещалась жизнь. Юлиус и Этель предпочли умереть...

ШЕСТИДНЕВНОЕ КОЛЕСОВАНИЕ

250 миллионов лир — так выглядели «стартовые колодки», без которых эти гонки в Милане никак не смогли бы начаться. Из них по 20, 15 миллионов чемпионам и экс-чемпионам, остальным звездам — много меньше, совсем пустяки — «черноногим», так сказать, массовке гонок; что-то на премии, на артистов и певцов, заполняющих короткие паузы; короче — 250 миллионов и ни лирой меньше, и едва они были собраны — шестидневная, нет, шестисуточная безостановочная гонка в миланском «Палаcard» закрутилась!

Шесть дней, семь ночей, сменяя друг друга, крутили педали гонщики. Наполовину спорт, наполовину шоу, поскольку лидеры аккуратно выигрывали друг у друга и не менее аккуратно в положенный раз проигрывали... Что это постановка, было ясно всем. Но, черт возьми, захватывающая постановка: зал был полон все шесть суток!

Эти многодневные гонки по овалу стадиона зародились в Америке: там гонщики крутили педали 144 часа, не слезая с седла. В Европе правила более гуманны, но и здесь не всегда отличишь хорошую игру от ненаигранной смертельной усталости.

СПОРТИВНАЯ ФОРМА ПРОТЕСТА

Среди французских спортсменов-любителей «привилегированное» положение занимают, безусловно, бегуны. Им открыты широкие возможности для тренировок — бегать по улицам в поисках работы. А что делать тем спортсменам, кому для тренировок нужны специальные снаряды, поля, закрытые стадионы? Ведь статьи бюджета на социальные нужды неумолимо урезаются. Молодые лионцы нашли выход из положения — они превратили в стадион улицы города. Эта форма протеста ошеломила полицию: свистеть или не свистеть? — ни в одной инструкции не написано, что делать в таких случаях.

КРЫСЫ И ЛЮДИ. 500 солдат, промаршировав по улицам города, вышли на окраину и оцепили свалку. Ее территория была разбита на огневые квадраты, и вся мощь современной военной техники обрушилась на притаившегося коварного врага. Этот враг — крысы. Подсчитано, что в Венесуэле на 16 миллионов жителей приходится 18 миллионов крыс.

ЛЮДИ И КРЫСЫ. Выйдя на пенсию, бывший налоговый инспектор Мишель Дансель основал в Париже новый оплот гуманистической научной мысли под скромным названием «Международная академия крысоведения». Цель академиков — отнюдь не борьба с крысами, которыми кишит французская столица, а напротив, «реабилитация этих славных спутников человека». Для привлечения внимания к своему детищу М. Дансель издал книгу «Наши братья — крысы. Их история, легенды и тайны, а также искусство любви к ним». Французский еженедельник «Экспресс» задает в этой связи вопрос: «Интересно, кто окажется следующим объектом внимания наших филантропов — клопы или тараканы?»

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ЭНЕРГИЯ БЕЖАРА

Что за демонический вид у этого человека? А он и должен быть таким: Морис Бежар легко входит в образ Мефистофеля и... выходит из него, чтобы стать Фаустом. Он сам исполняет обе эти сложнейшие роли в своем новом, 90-м по счету балете. Он может все, утверждают приверженцы многочисленных талантов 50-летнего французского хореографа. Философ и искусствовед, художник, музыкант, поэт, танцовщик и педагог, Бежар обладает фантастической работоспособностью. Вопреки всем финансовым трудностям и нападкам критиков, принимавших в штыки его смелые постановки, он в короткий срок создал из маленькой неизвестной труппы в Брюсселе прекрасный балетный театр и школу, где ныне учатся и выступают артисты из многих стран. Его часто называют революционером современного балета и, может быть, наиболее ярким подтверждением такой репутации стал балет «Жар-птица», с большим успехом показанный в Москве и Ленинграде во время недавних гастролей балетной труппы Парижского национального оперного театра. «Это балет о революционере и поэте, — писал Бежар, — поэт, как революционер, всегда жар-птица: неся людям правду, ведя их за собой, они оба бессмертны». Мечта Бежара, как пишет пресса, поставить этот балет в Большом театре.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОСЬЕ ЮЛО

И. ДЭЖУР

„После восьми лет отсутствия он снова с нами. Все тот же плащ на все сезоны, те же брюки, забавно короткие, маленькая шляпа и трубка — это мосье Юло» — так недавно писали французские газеты о герое фильмов известного режиссера, актера, сценариста Жака Тати. Мосье Юло знают и наши зрители по фильмам, которые в разное время шли на экране, «Мой дядя», «Каникулы мосье Юло», «Плейтайм».

Мосье Юло можно было бы назвать французским родственником Чарли, всемирно известного чаплинского персонажа. Так же как и Чарли у Чаплина, мосье Юло непременный герой всех последних фильмов Тати, он, так же как и Чарли, постоянен в одежде, вкусах, привычках. Но, наверное, на этом родство и заканчивается. Помните тот эпизод, когда Чарли собрался на воскресную прогулку, а у него не заводится машина? Что бы делал мосье Юло в этом случае? Он бы не спеша подошел к капоту машины, чтобы найти поломку, немного бы поковырялся в моторе и вдруг заметил бы муравья, пересекающего раскаленный асфальт. Мосье Юло, наверное, тут же забыл бы про мотор, который не хочет заводиться, и, встав на четвереньки, проделал бы вместе с муравьем увлекательнейшую воскресную прогулку. Упреки близких, недоумение прохожих ничуть не помешали бы его радости. А его приключения заставили бы смеяться самого неулыбчивого зрителя.

В конфликте Чарли с действительностью Чарли пытается победить обстоятельства и всегда терпит поражение. Мосье Юло как бы забывает об обстоятельствах и живет в мире своих фантазий. В кино это смешно и весело. Но когда режиссер Жак Тати по примеру своего персонажа переселяется в мир фантазии, забывая о суровых законах коммерции, конфликты возникают отнюдь не комические.

Так случилось восемь лет назад. Для съемок картины «Плейтайм» Жак Тати построил целый город. Его даже назвали в шутку Тативиль. Здесь гигантские небоскребы были поставлены на изобретенные самим Тати платформы на колесиках. Переезжая с места на место, небоскребы образовывали лабиринты улиц сверхсовременного города, где много стекла и бетона, скоростные лифты и автоматически открывающиеся двери. И среди всей этой супертехники мосье Юло с его несколько старомодной вежливостью, неторопливостью, постоянной готовностью прийти на помощь кажется самой фантастической фигурой. Он не стал еще одной запрограммированной машиной этого города, а остался таким же, каким был всегда.

Как заметил один критик, в мосье Юло есть все, что нам так нравится в других и что мы так не любим в своих близких. Но, может быть, именно этим и привлекает к себе мосье Юло миллионы французов. Никакая реальность, никакая проза жизни не могут его заставить отказаться от того, что он считает главным в жизни, — быть самим собой.

Фантастический город Тативиль принес много радости своему создателю («Мне очень нравился мой город, — говорит Жак Тати. — Я надеялся, что небоскребы на колесиках еще послужат многим молодым режиссерам — это ведь бесплатная сценическая площадка...»), но еще больше убытков.

«Плейтайм» оказался очень дорогим фильмом — он стоил 15 миллионов франков. И, по-видимому, Жак Тати, как и мосье Юло, никакой коммерсант: «Плейтайм» принес убыток в 8 миллионов франков. «Тативиль» был продан за долги, вход на студию был для Тати закрыт до погашения задолженности.

Опытные кинобизнесмены тут же предложили Тати выход из положения — порнофильм о мосье Юло! Тати воспринял это предложение как шутку и предпочел более трудный и долгий путь. Он ведь тоже, как и мосье Юло, всегда остается самим собой. Так французы на восемь лет расстались с мосье Юло, но, по-видимому, не забыли о нем. Потому что возвращение любимца зрителей на экраны стало большим событием для Франции. В крупных газетах и журналах страны появились интервью с Тати. Шестидесятивосьмилетний режиссер полон творческих планов. Он предполагает начать работать над фильмом, тема которого смятение, неразбериха. «Это слова для нашей эпохи, — говорит он. — Все движется слишком быстро. Люди разучились смотреть на небо, гулять, насвистывать песенки, улыбаться девушкам. И мне хочется показать, как грустно выглядят люди, которые разучились радоваться миру вокруг себя».

В интервью корреспонденту французского коммунистического еженедельника «Юманите диманш» С. Лашизу Тати говорил:

— Я начал делать комедийные фильмы там, где американцы остановились. Мои фильмы основаны на житейских наблюдениях в большей степени, чем на выдумывании персонажа. (Чем дальше, тем меньше у людей времени наблюдать себе подобных. Люди теряют время в уличных пробках, транспортной толчее и ежедневной круговерти, а когда возвращаются домой, телевидение предлагает им готовенький, чистенький, сделанный по своему усмотрению водевильчик. Это как наваждение.) В американском кино герой приходит и заявляет: «Я дежурный весельчак и пришел, чтобы заставить вас посмеяться». У меня персонаж не собирается никого специально смешить и не выдумывает комические эпизоды. То, что происходит с ним, может произойти с любым человеком.

Задумывая новый фильм, я провожу часы в школах с детьми семи-восьми лет и словно купаюсь в очаровании воображения, наблюдательности и творчества... Дети не говорят со мной о финансовых проблемах, как это делают взрослые, чопорно приходящие ко мне с визитом.

На вопрос: «Кем вы себя считаете?» — Тати ответил:

— Ремесленником, по крайней мере в начале работы над фильмом. Я все делаю сам. Меня упрекают в том, что я медленно работаю. Но и краснодеревщик, делающий комод, должен ждать, пока высохнет клей, потом он долго шлифует и отделывает планки и доски. Я трачу массу времени, чтобы подобрать декорации, сделать удачный ансамбль. Я не признаю «звезд». Я мог бы сделать из господина Юло образ, очень выгодный для продажи. Но публика ведь ждет господина Юло — и никого другого.

▼ со стр. 21

«Битлз» говорит об этой депрессии и о том, насколько высоко ценят слушатели творчество Джона Леннона». Он сказал, что постоянное присутствие и работа Леннона в Америке дадут новый толчок развитию национальной музыкальной мысли. Он также подчеркнул, что Леннона можно рассматривать и как «стабильный источник доходов для государства».

Сэм Траст сел. Встал Норман Мейлер. Представился как писатель, назвал свои книги, особо подчеркнул, что он автор «Оленьего парка» и «Нагих и мертвых». Добавил, что он лауреат Пулитцеровской премии [1].

Норман Мейлер, одетый в клетчатые брюки и курточку-«сафари», зачесал пятерней курчавые седые волосы, усмехнулся и устроил концерт. Бредовость ситуации он уловил точнее всех.

«Я не собираюсь анализировать особенности склада характера Джона Леннона, поскольку он артист, а у артистов часто бывают трудные характеры. Но, по-моему, он один из немногих сейчас на Западе настоящих художников. Я всегда считал величайшим позором для нас, что мы не выудили у англичан Томаса Эллиота и Генри Джеймса и только недавно заполучили Одена [2]... Нет, просто чудесно, что мы приобрели Джона Леннона!»

Следующий — Джеральдо Ривера: юрист, телекомментатор и «сын иммигрантов». (Ривера познакомился с Джоном и Йоко в 1972 году, во время подготовки программы «Один к одному»: когда Ривера работал в Эй-би-си, он «открыл» лечебницу для психически неполноценных детей Уиллоубрук, где условия были поистине ужасны. Он преуспел, обнажая — или эксплуатируя, как вам будет угодно, — пороки этой области здравоохранения. Одним из его первых шагов была организация благотворительного концерта Джона и Йоко, сбор от которого пошел на дело улучшения условий жизни пациентов больницы.)

Ривера заявил, что он считает, что именно начинание Джона и Йоко стало поворотным пунктом в улучшении заботы о душевнобольных в США, и посему, ежели есть персона, заслуживающая того, чтобы жить в этой великой стране, то таковой персоной, несомненно, является Джон Леннон.

Актриса Глория Свенсон, выглядящая поразительно прекрасно для своего возраста — где-то между 50 и 100 (но ближе к 100), что есть несомненная заслуга бессахарной диеты, — выступала последней. Она сообщила, что познакомилась с Леннонами в магазине «Здоровая пища».

«Я считаю, что в большинстве преступлений, совершаемых ныне молодыми людьми, повинно дурное питание: все эти консервы, химикалии... Поэтому они внутренне такие нездоровые. Джон Леннон следит за своим здоровьем, и я считаю, что он может сделать многое для воспитания в нашей стране здорового юношества».

Джон слушал всю эту чушь, и только руки чуть дрожали. Он относился ко всему этому как к постыдной и унизительной процедуре — но что делать, если без нее невозможно обойтись? Не было в нем ни нервозности, ни горечи, ни злости. Но я, глядя на этого человека, одного из самых дерзких музыкантов моего времени, сидящего здесь в костюмчике, галстучке, сдержанно отвечавшего на идиотские вопросы, — я исходила злостью...

---

[1] *Роман Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» был издан в СССР в 1972 году Воениздатом. Пулитцеровская премия — высшая литературная и журналистская награда США. — Прим. пер.*

[2] *Генри Джеймс (1843—1916) — писатель, родился в США, в 1875 году переехал в Европу, в 1915 году принял британское подданство; поэт Томас Эллиот (1888—1965) также родился в США, но жил в Англии; Уайстон Оден (1907) — английский поэт, в настоящее время живет и работает в США. — Прим. пер.*

VI. Джон Леннон о себе

(Из рассказа Энтони Фоссету, автору книги «Джон Леннон. Один день во времени». Нью-Йорк, 1976 год)

«Мне кажется, нас всегда неправильно понимали (вы знаете мою любимую фразу: «Все правда, и все неправда обо всем»). К примеру, вот набор характеристик, дававшихся мне:

а) «раскованная поэтическая натура»,
б) «просто хулиган»,
в) «золотое сердце под кожаной курткой»,
г) «революционер»,
д) «злюка, желчный тип»,
е) «простой парень» (кстати, нас вообще любят называть «простыми парнями из Ливерпуля», будто слово «простой» хоть что-то объясняет).

Да, мы любили дурачиться и дурачить (один критик, не помню его имени, сказал: «Битлз» — это клоуны-туру 60-х годов»). Но я теперь понимаю, насколько наивны мы были — мы ведь даже не задумывались над своей клоунадой, мы инстинктивно выбрали ее как способ самозащиты.

Мы просто писали и пели песни, это уже критики, а за ними и слушатели превратили их в политику и философию и сделали указателями на пути к иной жизни.

Все эти характеристики неверны еще по одной простой причине — любой человек неодномерен. Мне кажется, я теперь понял, почему мы расстались: повзрослев, мы осознали себя как личности, и нам стало тесно в нами же заданных рамках.

Ну а кто я?

Я ведь сам сказал, что не люблю характеристик, как же вы хотите, чтобы я сам себя определял?»

Настроение в зале, которое сначала можно было бы описать словами «полное надежды», затем «оптимистическое», стало «совсем победным», когда судья зачитал вердикт: «Я считаю возможным разрешить мистеру Леннону постоянное проживание в США».

Зал взорвался аплодисментами — ай да судья, ай да молодец! Джон и Йоко улыбнулись друг другу, поцеловались. Леон Уайлдес: «Ваша честь, это первое ваше решение, которое я не собираюсь опротестовывать».

Публика повалила в соседнюю комнату, где Джону было выдано удостоверение, оказавшееся бледно-голубым (после этих долгих разговоров о «зеленой карте»!). Операторы с телевидения вытащили всех на улицу — снимать для шестичасовой программы новостей. «Это здорово — быть на легальном положении опять», — заявил для них Джон Леннон, держа перед камерой свою бледно-голубую «зеленую карту» (держал он ее вверх ногами). Рядом с ним примостился судья Айра Филдстил — официальный враг все эти годы. Джон повернулся к Йоко — она плакала, обнял ее, сказал: «Я всегда был уверен, что за спиной каждого знаменитого идиота стоит великая женщина».

Его спросили, почему он хочет жить в Америке.

— Почти две тысячи лет назад Иосиф Флавий [1] сказал: «Бог теперь в Италии», тогда стоило жить только в Риме. Я не знаю, где живет теперь бог, но мой город — Нью-Йорк, с его мешаниной языков и стилей жизни. И потом, мой родной язык — английский, но у себя дома я персона не очень желательная, и не только из-за того старого дела. Моя жена — японка, а Англия не любит экстравагантности, даже если ее позволяет себе человек из «Битлз».

Как мы отметим наш праздник? Может быть, поедем сейчас домой, Йоко приготовит чай, и мы просто будем сидеть и смотреть друг на друга. А может, пойдем и съедим по мороженому — так и быть, ради такого дня я нарушу бессахарную диету, а, Йоко?

А Йоко продолжала плакать.

Перевод и комментарий
Н. РУДНИЦКОЙ

---

[1] *Римский историк I века н. э. — Прим. пер.*

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. АЛЕКСАНДРОВА
Оформление М. М. РАКИТНИНА
Технический редактор В. Н. САВЕЛЬЕВА

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

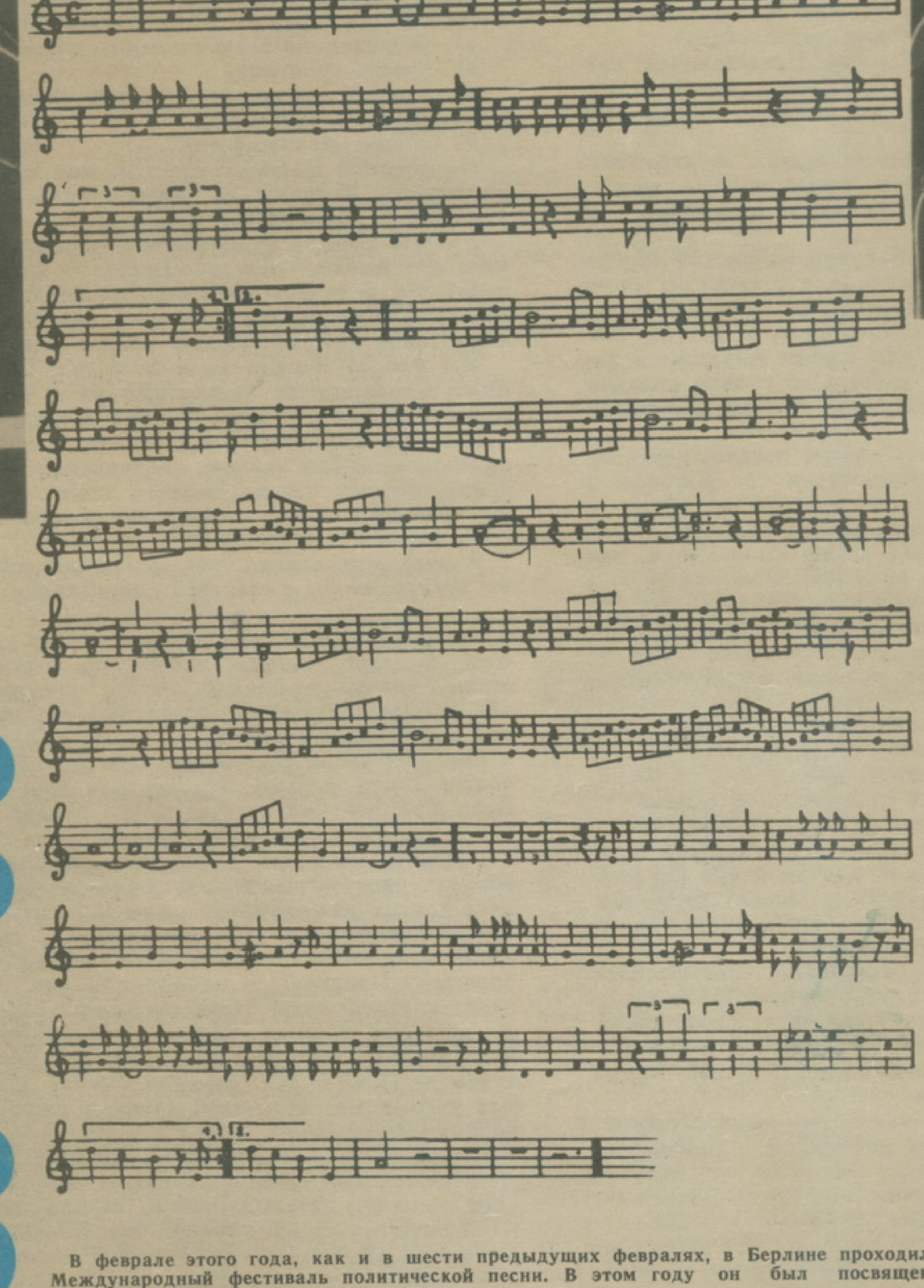
Сдано в набор 16/VI 1977 г. Подп. к печати 22/VII 1977 г. А06499. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1065.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Н5-28 Н5

GRUPPE SCHICHT

В феврале этого года, как и в шести предыдущих февралях, в Берлине проходил Международный фестиваль политической песни. В этом году он был посвящен 60-летию Октября.

Мы начинаем публикацию песен с этого фестиваля. Первая — «Песня о народе», ее исполнила немецкая группа «Шихт» (в переводе — «Рабочая смена»). Музыка Людвига Штренга, слова Бернда Румпа, русский текст А. Хвостова.

Народу чуждо благочестье,
Манерность круглых, длинных фраз,
Он шутит просто и открыто,
Не думая обидеть вас.

Народ непрочь вина отведать
Средь шума, в дымных кабачках,
Он неизящно держит вилку
В больших мозолистых руках.

Он любит и футбол, и танцы,
И яркий праздничный наряд,
Цветам в свой праздник первомайский
По-детски неизменно рад.

Над умной книгой иль в театре
Он забывается порой,
А вечерами к звездам дальним
Уходит за своей мечтой.

И разбери его попробуй,
Пойми попробуй, почему
Он то в тиши сидит нахмурясь,
То ищет шум и суету.

Народ всегда встает с рассветом,
Он на работе допоздна,
Народ привык считать расходы
И пить до дна, и есть до дна.

Народ и плачет, и смеется,
На танцы ходит и в кино,
Он сам творец своей морали,
Судья веселья своего.

Народ — король; и сам он пишет
Законы счастья и труда.
Народ своей гордится властью,
И этой власти быть всегда!

Text: Bernd Rump   Musik: Ludwig Streng

Индекс 70781
Цена 25 коп.